

СОДЕРЖАНИЕ:

Утѣшеніе безгласности.—Рецензентскій вопросъ.—Письмо С. А. Трефилова.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Чествованіе Художественнаго театра.—† А. П. Ленскій.—Памяти дорогаго учителя. М. Стресса.—Актеръ-художникъ. Анатоля Кремлева.—Теософія съ пиротехникой („Синяя птица“ у художественниковъ). Н. Россова.—Парижскія письма. В. Бикиточка.—Изъ театральныхъ воспоминаній. Островскій—Садовскій. В. Лихачова.—По провинціи.—Харьковскія письма. Г. Тавридова.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты: † А. А. Потѣхинъ, † А. П. Ленскій, Афиша первой пьесы въ московск. Худож. театрѣ, „Король“ (2 рис.), „Бѣлая ворона“, „У царскихъ вратъ“ (3 рис.), Къ гастролѣмъ Сициліанской труппы (2 рис.).

С.-Петербургъ, 19-го октября 1908 года.

Мы поставлены въ болѣе, нежели странное положеніе, какъ, впрочемъ, и вся печать. Для обсужденія вопроса о созданіи союза актеровъ созывается комитетомъ огражденія „интересовъ“ собраніе, на которомъ участвуетъ 150 актеровъ, но куда входъ представителямъ печати „воспрещенъ“. Такого случая еще не бывало. Хотя все, что говорилось на собраніи, составляетъ „секретъ полишинеля“, тѣмъ не менѣе мы лишены возможности обсуждать первые шаги новаго учрежденія. Укрывшись отъ гласности, инициаторы показали первый примѣръ огражденія себя отъ „рецензій“.

Пишемъ эти строки для того, чтобы авторы многочисленныхъ статей и писемъ, обратившіеся въ нашъ журналъ, не удивлялись, что мы не удѣляемъ имъ мѣста. Извиняемся особо предъ С. А. Свѣтловымъ, котораго цѣнную статью намъ очень хотѣлось бы помѣстить. Спѣшимъ оговориться: по нашему мнѣнію, право печати добывать статьи и свѣдѣнія всякими законными путями — безспорно, ибо интересы общественнаго дѣла выше желанія или нежеланія заинтересованныхъ лицъ. Но въ данномъ случаѣ, было бы жестоко лишать инициаторовъ дѣла, стремящихся къ огражденію себя отъ печати, утѣшенія безгласности. Только эти деликатные мотивы и поставили насъ въ необходимость извиниться предъ нашими сотрудниками и корреспондентами, и воздержаться отъ печатанія ихъ статей и замѣтокъ.

Ничто не ново подъ луной... Въ виду особаго обостренія рецензентскаго вопроса, небезполезно, быть можетъ, вспомнить разсмотрѣніе этого вопроса на первомъ сѣздѣ сценическихъ дѣятелей въ 1897 г. Сѣздъ, въ общемъ, сохранилъ объективность и здравое отношеніе къ предмету.

Послѣ доклада А. Н. Кремлева и преній, сѣздъ выработалъ слѣдующую резолюцію:

„Находя, что театральная критика является сильнымъ орудіемъ рецензентовъ въ общественномъ мнѣніи и имѣетъ важное значеніе для сценическихъ дѣятелей, часто вліяя даже на ихъ карьеру, сѣздъ признаетъ, что во многихъ случаяхъ театральная критика не удовлетворяетъ тѣмъ серьезнымъ художественнымъ требованіямъ, какія вправѣ предъявлять къ ней сценическіе дѣятели. Не имѣя возможности установить для гг. рецензентовъ какой-либо опредѣленный цензъ, сѣздъ апеллируетъ къ редакціямъ газетъ и журналовъ, прося внимательнѣе и строже относиться къ выбору ихъ представителей въ театр“.

Повидимому это обращеніе къ редакціямъ повліяло мало. Думается, не больше повліяетъ и нынѣшнее „приглашеніе“ къ совмѣстной органи-

заціонной работѣ (см. ниже) или другія мѣры, вродѣ преслѣдованія за оскорбительныя рецензій, для чего юрисконсульты, какъ говорятъ, представили свои соображенія. Если въ иныхъ, очень рѣдкихъ случаяхъ, злословіе и брань, заключающіяся въ рецензіяхъ, и будутъ наказаны, то въ огромномъ большинствѣ, дѣло закончится оправданіемъ, жалобщики окажутся въ смѣшномъ положеніи, да и самое примѣненіе къ художественной критикѣ, хотя бы и невысокаго разбора, судебного преслѣдованія, представляется настолько невѣроятнымъ, что повлечетъ пересмотръ и отміну законодательныхъ нормъ, или же соотвѣтствующее разъясненіе сената.

Всѣ эти мечты, сладостно волнующія нѣкоторыхъ актеровъ, слѣдуетъ оставить: въ нихъ совершенно нѣтъ реальнаго содержанія. А между тѣмъ онѣ отвлекаютъ отъ возможнаго и осуществимаго.

Вообще, вопросъ вздутъ искусственно. Таково наше убѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ, почему провинціальное актерство остается совершенно глухимъ къ петербургскому броженію? Вѣдь сами инициаторы и теоретики петербургскаго крестоваго похода говорятъ, что провинціальныя рецензенты гораздо хуже. Вѣдь г. Чириковъ, снисходительно допускающій среди „рецензентскихъ хулигановъ“ столицы — „королей“ (конечно, хулиганскихъ), отвергаетъ таковыхъ королей въ провинціи. Такимъ образомъ слѣдовало бы ожидать особенно страстнаго отзыва отъ провинціальныхъ актеровъ. А его нѣтъ. Что это значитъ?

По нашему мнѣнію, это значитъ, что когда людямъ съ трудомъ и лишеніями приходится вести борьбу за „минимумъ“ искусства и существованія, они не имѣютъ ни времени, ни охоты думать о второстепенномъ. Только это оно и значитъ. Рецензентскій вопросъ есть союзъ самолюбія. Но гораздо важнѣе вопросъ о сносныхъ, человѣческихъ условіяхъ для существованія актера и театра.

Мы привѣтствуемъ всякіе союзы. Мы полагаемъ, что союзное начало принесетъ неисчислимую пользу дѣлу. Но мы думаемъ, что основывать новый союзъ, на основѣ защиты отъ рецензій — дѣло совершенно безнадежное. Когда театръ, когда искусство переживаютъ глубокой кризисъ, когда такъ велика необеспеченность, такъ низко стоитъ профессиональная этика, такъ огромно перепроизводство, такъ много „кандидатовъ голода“ и сомнительныхъ элементовъ въ самомъ сценическомъ мірѣ — основывать союзъ на борьбѣ съ рѣзкими на слово рецензентами — значитъ, вести дѣло по искусственному пути. Союзъ долженъ быть основанъ для усовершенствованія актеровъ, а не для усовершенствованія рецензентовъ. Объ этомъ пусть они сами позаботятся. Отъ того, что рецензенты станутъ писать мягче, не станутъ лучше и интереснѣе актеры, и не отъ исцѣленія ранъ, нанесенныхъ самолюбію, зависитъ прогрессъ театра, а отъ страстнаго желанія стать выше мелочныхъ уловокъ, и работать для идеальныхъ цѣлей.

Одинъ французскій парламентскій ораторъ выразился образно по адресу своего противника: „высота вашей клеветы не достигнетъ подножія моего презрѣнія“. Такъ говоритъ „гордый человѣкъ“. Такъ долженъ разсуждать гордый актеръ, а не полагать задачу свою въ томъ, чтобы судиться съ недостойными рецензентами, рыцарями „желтой печати“ и писать на нихъ жалобныя бумаги. Право, отъ этого ничего не прибавится ни въ моральномъ, ни въ матеріальномъ смыслѣ театру и актеру.

С. А. Трефиловъ прислалъ намъ письмо, которое мы помѣщаемъ ниже. Въмѣстѣ съ письмомъ, мы получили копію прошенія г. Трефилова на имя П. А. Столыпина. Дѣло идетъ все о томъ же старомъ злѣ: о снятіи пьесъ, разрѣшенныхъ цензурою „на основаніи положенія объ усиленной охранѣ“. Явленіе это достаточно освѣщено на страницахъ нашего журнала, и мы можемъ лишь повторить то, что говорили неоднократно: свобода и законность въ области театра тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ общимъ состояніемъ правового строя, и пока существуетъ „исключительное“ положеніе—а оно существуетъ уже 30 лѣтъ и насчитываетъ три давности—до тѣхъ поръ административное усмотрѣніе остается въ полной силѣ.

М. г. Не смотря на циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 29-го января 1908 г. (коимъ всѣ разрѣшенные цензурой пьесы должны допускаться къ исполненію на сценѣ), въ провинціи продолжаетъ царить произволъ мѣстнаго начальства. Вотъ примѣры: въ Двинскѣ въ желѣзнодорожномъ театрѣ 10-го и 11-го октября были назначены спектакли „Герой народной свободы“ и „Безработные“. Афиша, подписанная жандармскимъ начальствомъ и полицімейстеромъ расклеена, билеты недѣлю продаются, пьесы срѣпетованы. За день до спектаклей отъ витебскаго губернатора получается телеграмма, коей „на основаніи положенія объ усиленной охранѣ“ исполненіе пьесъ „Герой народной свободы“ и „Безработные“ воспрещается“.

Не говоря о томъ, что пьесы по своему содержанію не имѣютъ ничего такого, что бы грозило „усиленной охранѣ“, можно удивляться спокойствію, съ какимъ начальство срываетъ спектакли за день до ихъ исполненія. Въдѣ пьесы двѣ недѣли анонсировались и если онѣ такъ страшны для усиленной охраны, то было время ихъ снять съ репертуара, не утруждая артистовъ приготовленіемъ этихъ пьесъ къ исполненію. Бѣдный актеръ! Но съ нимъ не церемонятся. Сорвать двѣ приготовленныя пьесы взмахомъ пера легко, но каково актеру вмѣсто этихъ пьесъ въ одинъ день приготовить двѣ другія пьесы и это при ежедневныхъ спектакляхъ!

Въ „красные“, какъ принято теперь ихъ называть, дни, всѣ слои общества волновались. Всѣ говорили. Одинъ лишь актеръ молчалъ. Это конечно не потому, что онъ чуждъ общественнымъ интересамъ, а потому, что его профессія держала его внѣ партій. Актеръ, какъ пишущая или типографская машина, воспроизводитъ то, что ему даютъ. Онъ всегда былъ слугою цензуры. Эта примѣрная „покорность“ актера до сихъ поръ не оцѣнена. Напротивъ, онъ разсматривается какъ самый ненадежный человѣкъ. За что же такое гоненіе? Теперь создано такое положеніе вещей, при которомъ трудъ актера ничѣмъ не защищенъ, и это несмотря на то, что теперь затихло все, нѣтъ „красныхъ“ дней, и жизнь приняла нормальное теченіе. И во всякомъ случаѣ, не со сцены, при существованіи цензуры, можно ждать „призывовъ“.

Сер. Трефиловъ.

М. г. Комитетъ артистовъ, исполняя постановленіе общаго собранія артистовъ всѣхъ петербургскихъ театровъ, созданнаго для обсужденія отношеній между печатью и артистами, состоявшаго 13 сего октября въ Театральномъ Клубѣ, имѣетъ честь препроводить Вамъ слѣдующее постановленіе означеннаго собранія.

Признавая огромное культурное значеніе художественной критики, которая должна служить могучимъ подспорьемъ къ духовному развитію и воспитанію какъ общества, такъ и актера,—мы, артисты, приглашаемъ представителей критики къ совмѣстной организационной работѣ въ цѣляхъ урегулированія взаимныхъ отношеній дѣятелей печати и сцены.

Предсѣдатель комитета В. Н. Давыдовъ. Тов. предсѣдателя Г. Г. Ге. Члены комитета: А. И. Долиновъ, Е. П. Карповъ, А. Д. Лавровъ-Орловскій, П. В. Самойловъ, И. И. Судбининъ, Н. Н. Ходотовъ, Ю. М. Юрьевъ. Секретарь И. М. Ильинъ.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ признало спѣшнымъ внесимый имъ въ Думу законопроектъ о субсидіи въ 10,000 руб. Театральному Обществу. Какъ извѣстно, бюджетная коммисія Думы высказалась противъ субсидіи.

— Не унывающий россиянинъ. Кн. Церетелли, по словамъ итальянскихъ газетъ, находящійся теперь въ Брюсселѣ, занятъ организаціей новаго опернаго предпріятія: русско-французско-

итальянской оперы, которая будетъ давать свои спектакли въ Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ.

— Въ воскресенье, 19 октября, въ театрѣ г. Гардина идетъ въ 1-й разъ передѣлка г. Евдокимова Гончаровскаго романа „Обрывъ“.

— Интересное дѣло слушалось 14 октября у мирового судьи. Артистка г-жа Петрова, служившая въ прошломъ сезонѣ въ Новомъ театрѣ въ труппѣ г-жи Некрасовой-Колчинской, предъявила къ антрепренершѣ искъ объ отобраніи принадлежавшихъ ей двухъ шубъ, самовольно удержанныхъ г-жей Некрасовой-Колчинской, въ счетъ погашенія долга г-жи Петровой. Мировой судья постановилъ отобрать вещи.

— Въ „Новомъ театрѣ“ пойдетъ въ ближайшемъ будущемъ пьеса О. Дымова „Каждый день“ („Ню“).

— Въ театрѣ М. Т. Строева, послѣ „Рабовъ“ г. Платона, ближайшими постановками намѣчены—„Бѣлый ангелъ“ А. Свирскаго и „Воровка“.

— Сборами въ нынѣшнемъ сезонѣ частные театры похвастаться не могутъ. Лучшіе сборы дѣлаетъ „Буффъ“—1500 руб. на кругъ и Малый театръ. Оперетка въ „Пассажѣ“, при 1200 руб. вечероваго расхода, несмотря на хорошіе сборы, работаетъ въ убытокъ. Въ „Невскомъ Фарсѣ“ въ послѣднее время сборы поднялись, но до прошлогоднихъ „аншлаговъ“ еще далеко. Въ театрѣ В. Ф. Коммиссаржевской сборы слабы. Лучшіе сборы дѣлаетъ „У вратъ царства“. М. Т. Строевъ дѣлаетъ на кругъ около 300 руб. „Новый театръ“, при 400 руб. вечероваго расхода, на кругъ беретъ 300 руб. Слабые сборы въ „Екатерининскомъ театрѣ“.

— А. П. Воротниковъ вышелъ изъ состава Василеостровскаго театра г. Гардина.

— 27 октября въ театрѣ Коммиссаржевской состоится первое представленіе „Царевны“ (Саломеи) Оскара Уайльда. Ставить пьесу Н. Н. Евреиновъ.

— Только на-дняхъ закончена Л. Н. Андреевымъ пьеса „Дни нашей жизни“. Первоначальное названіе—„Любовь студента“. Пьеса пойдетъ въ Новомъ театрѣ.

— С. О. Сабуровъ со своей труппой на предстоящій великій постъ ѣдетъ гастролировать на Кавказъ: 2 и 3 недѣли—въ Тифлисъ, 5 и 6-я недѣли въ Баку. Репертуаръ—легкая комедія и фарсъ.

— Драматическая хроника Ан. Н. Кремлева изъ библейской исторіи—„Давидъ, царь Іудейскій“, представленная Русскимъ Театральнымъ Обществомъ въ драматическую цензуру, не разрѣшена къ представленію, на основаніи циркуляра св. синода.

— Музыкальная школа К. И. Даннеманъ открыла драматическій практическій классъ подъ руководствомъ артиста А. М. Анчарова-Мутовкина. Для чтенія лекцій по сценическому искусству приглашенъ Вс. Э. Мейерхольдъ.

— 26-го октября въ помѣщеніи вѣнскаго художественнаго общества „Сецессионъ“ открывается первая въ Вѣнѣ выставка произведеній современныхъ русскихъ художниковъ. Выставка устроена А. И. Филипповымъ, редакторомъ журнала „Въ мірѣ искусствъ“.

— Продолженіе чрезвычайнаго общаго собранія Союза драмат. писателей по вопросу о желательной формѣ участія Россіи въ международной литературной конвенціи, состоится въ воскресенье, 19 октября, въ 2 часа дня, въ помѣщеніи Правленія Союза.

— Антрепренеръ кисловодскаго театра А. А. Литвиновъ вчиняетъ искъ въ 6000 руб. къ режиссеру кievской оперы г. Боголюбову, передъ самымъ открытіемъ сезона отказавшемуся организовать для кисловодскаго театра оперу, въ виду прекращенія Нарзана.

— М. И. Долина предполагаетъ въ непродолжительномъ времени дать четыре вечера русской пѣсни въ Маломъ залѣ Консерваторіи.

— Для участія въ спектакляхъ русской оперы въ Парижѣ г. Дягилевымъ приглашены весь хоръ и оркестръ московской Большой оперы. Изъ артистовъ кромѣ Шалаяпина пока приглашены г-жа Липковская и г. Смирновъ (теноръ). Капельмейстерами приглашены гг. Черепнинъ и Блуменфельдъ.

* * *

Московскія вѣсти.

— С. И. Зиминъ, кромѣ городского народнаго дома, снялъ театръ при фабрикѣ гг. Алексѣевыхъ, въ Таганкѣ, гдѣ также будетъ ставить оперные спектакли. Первый спектакль состоится 19 октября. Участвуютъ молодые силы.

— 15 октября закончились опереточные спектакли труппы г. Левицкаго въ Интернаціональномъ театрѣ. Съ 16 октября начались гастроли трансформатора г. Франкарди.

— О. В. Гзовская приглашена въ турнѣ по югу Россіи. Гастроли начнутся 6 апрѣля съ Одессы.

— Серьезно захворалъ артистъ Малаго театра Парамоновъ.

* * *

† А. А. Потѣхинъ. Въ четвергъ на 80 году скончался Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ. Оглавая оцѣнку этого славнаго драматурга, сообщаемъ пока краткія біографическія свѣдѣнія. Первою пьесой, поставленной А. А. Потѣхинымъ на сценѣ,

была драма, напечатанная въ декабрьской книжкѣ 1853 г. въ журналѣ „Москвитянинъ“—„Судъ людской—не Божій“. Драма эта является первой *бытовой* пьесой русскаго репертуара. До нея, за исключеніемъ счесть Стахѣева „Ночное“ и „Изба“, у насъ не было ни одной пьесы, написанной... народнымъ языкомъ. Послѣ усиленныхъ хлопотъ въ цензурѣ пьеса была дана въ первый разъ въ Москвѣ, въ 1854 г. 29 ноября. „Судъ людской“ имѣлъ громадный успѣхъ. Въ Москвѣ роль Матрены, героини пьесы, сыграла Никулина-Косицкая, въ Петербургѣ въ ней выдвинулась А. М. Читау. Роль Николая Спиридоновича, отца Матрены, была первой драматической ролью Прова Садовскаго. Написанная одновременно съ этою пьесой, драма „Братъ и Сестра“, служащая эпилогомъ къ извѣстному роману того же автора „Крестянка“, только черезъ одиннадцать лѣтъ, подъ названіемъ: „Хоть шуба овечья, да душа человѣчья“, увидала сцену.

Вторую пьесой А. А. Потѣхина, поставленную на сценѣ, была его комедія „Чужое добро въ прокъ не идетъ“. Комедія эта занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіи нашей сцены. Она выдвинула нѣсколько талантливыхъ актеровъ, указавъ имъ ихъ настоящую дорогу. А. И. Мартыновъ, Сергѣй и Павелъ Васильевы, только послѣ исполненія въ ней роли Михаила, были возведены публикою въ званіе великихъ актеровъ.

Комедія „Мишура“, написанная А. А. въ 1856 году, увидала сценическіе подмостки только въ 1861 году. Пьеса эта имѣла крупный успѣхъ, „литературный“, сценическій. Вслѣдъ за этою пьесой въ Москвѣ и въ Петербургѣ была поставлена въ 1865 г. комедія „Отрѣзанный ломоть“. Успѣхъ его былъ необычайный, чему способствовала „злободневность“ вопроса о новыхъ и старыхъ поколѣніяхъ. Въ Петербургѣ Самойловъ, а въ Москвѣ Самаринъ, въ роли старика создали живые лица. Но это роковымъ образомъ и повліяло на судьбу драмы. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ усмотрѣло намекъ на свои семейныя отношенія, и пьесу сняли съ репертуара.

Въ 1869 году А. А. Потѣхинъ отдалъ на сцену свою комедію „Виноватая“. Писать о ней—значитъ говорить о незабвенной Екатеринѣ Васильевой и Монаховѣ. Монаховъ даже дебютировалъ въ этой пьесѣ и послѣ исполненія роли былъ тотчасъ же принятъ на петербургскую сцену, на весьма странныхъ и непонятныхъ для насъ теперь условіяхъ: *никогда не требовать жалованья*. Само собою разумѣется, что подобное курьезное условіе послѣдствіемъ было отмѣнено. „Виноватая“ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ имѣла большой успѣхъ. Комедія „Выгодное предпріятіе“, написанная и поставленная А. А. въ 1878 году, дала возможность М. Г. Савиню выказать въ роли Ольги комическую сторону своего блестящаго дарованія. Послѣднимъ произведеніемъ А. А. была драма „Около денегъ“, передѣланная имъ вмѣстѣ съ В. Крыловымъ изъ своего же романа, того же названія. Пьеса, и исполненіе въ ней главной женской роли П. А. Стрепетовой въ Петербургѣ и М. Н. Ермоловой въ Москвѣ свѣжи еще въ памяти всѣхъ театраловъ.

А. А. Потѣхинъ былъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ предсѣдателемъ Совѣта Театр. Общества, и его стараніями были созваны первый съѣздъ сценическихъ дѣятелей.

* * *

Изъ юбилейной статистики. За свое десятилѣтіе московскій Художественный театръ поставилъ 1,732 спектакля, въ томъ числѣ въ Москвѣ—1,474, и взялъ сборовъ около 2 милліоновъ рублей.

Въ первый сезонъ валовой сборъ театра—103 тысячи, а въ десятый—336 тысячъ. За десятилѣтіе сыграно сорокъ пьесъ, 21—русскихъ авторовъ, 19—иностранныхъ. Первое мѣсто по числу спектаклей принадлежитъ А. П. Чехову, который сыгранъ за десятилѣтіе 464 раза; второе мѣсто—Ибсену, съ 228 спектаклями (шли восемь его пьесъ); третье—Максиму Горькому, съ 191 спектаклемъ (три пьесы). Наибольшее число спектаклей выдержалъ „Царь Ѳедоръ Ивановичъ“—172; затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ располагаются: „Дядя Ваня“—143, „На днѣ“—136, „Три сестры“—102, „Вишневый садъ“—94, „Юлій Цезарь“—84, „Одинокіе“—73, „Горе отъ ума“—69, „Брандъ“—68, „Ивановъ“—64, „Чайка“—61, „Штокманъ“—60, „Смерть Грознаго“—59. Остальныя пьесы—меньше пятидесяти спектаклей. Послѣднее мѣсто въ этомъ рядѣ занимаетъ „Счастье Греты“, снятое, въ первый сезонъ, послѣ трехъ спектаклей.

Театръ начиналъ съ капиталомъ въ 28,000 рублей, собраннымъ памями. Первый годъ съѣлъ этотъ капиталъ и далъ 40 тысячъ долга. Послѣдніе годы дѣла театра шли блестяще. У него опять капиталъ въ 107 тысячъ руб., изъ 15 павѣ по 5,000 руб., принадлежащихъ преимущественно членамъ труппы, и 32,000 рублей вкладовъ шести лицъ.

* * *

Въ Петербургѣ возникаетъ новое, такъ сказать, идейное театральное предпріятіе. Инициатива принадлежитъ артисткѣ Д. М. Мусиной, причемъ художественная сторона предпріятія будетъ ближайшимъ образомъ находиться въ рукахъ Ю. Э.

† А. А. Потѣхинъ.

Озаровскаго. На-дняхъ у Ю. Э. Озаровскаго состоялось собраніе съ участіемъ представителей искусства и литературы, на которомъ обсуждался характеръ предполагаемыхъ постановокъ. Ю. Э. Озаровскій выяснилъ собранію роль и значеніе возникающаго театра.

Въ основѣ его взглядовъ лежитъ мысль о томъ, что театръ нуждается въ новомъ этапѣ эволюціи.

Старый театръ имѣетъ цѣнности, которыя игнорировать въ новомъ театрѣ—значило бы уничтожить самую идею театра. Такими цѣнностями стараго театра являются начала *переживанія, воплощенія и художественнаго единства*, начала Мочаловское, Щепкинское и начало Художественнаго театра. Для выхода къ новому театру недостаточно этихъ цѣнностей; необходимо ихъ увеличить.

Новѣйшія попытки—театръ „завтрашняго дня“ въ несомнѣнномъ стремленіи своемъ къ *красотѣ*, которая къ цѣностямъ стараго театра требовала новое приобрѣтеніе—*стиль* исполненія, т. е. планомерный подборъ эстетическихъ формъ. Только театръ стиля представляется Ю. Э. Озаровскому синтезомъ всѣхъ творческихъ усилій современнаго театра. Довести исполненіе ролей и пьесы до стиля, подсказываемаго поэтомъ,—вотъ что можетъ открыть путь новѣйшему театру. Ближайшею задачей ея спектаклей будетъ опытъ сценической интерпретаціи стилей былыхъ эпохъ (Ренессансъ, Людовика и др.). Оставаясь, однако, на образцахъ, главнымъ образомъ, современнаго репертуара, Ю. Э. Озаровскій предполагаетъ участіе въ спектакляхъ „стиль“ музыки и танца при условіи эстетическаго соотвѣтствія ихъ драматическому элементу.

Суммируя все вышесказанное, Ю. Э. Озаровскій высказалъ мысль, что только, идя этимъ путемъ, можно примирить старый театръ съ новымъ.

* * *

Вторая новинка театра г. Гардина—пьеса Мольнара „Чортъ“. Центральная фигура—дьяволъ въ современномъ обществѣ, въ современной обстановкѣ. Онъ основательно уменъ, все знаетъ и всегда является не во-время. Онъ много философствуетъ и обладаетъ патентованнымъ мефистофельскимъ остроуміемъ. Но, къ сожалѣнію, остроуе его надъ женщинами, бракомъ, надъ общественнымъ строемъ и надъ человѣкомъ вообще—безсистемны и утомляютъ своимъ обиліемъ. Человѣкъ игрушка дьявола... Красивая, соблазнительная Іоланта и художникъ Гансъ когда-то любили другъ друга. Іоланта приходитъ въ мастерскую художника позировать для своего портрета, который заказанъ ей мужемъ, биржевымъ дѣльцомъ. Послѣдній просилъ непременно нарисовать ее съ обнаженной шеей. Іоланта смущена и ни за что не хочетъ снять лифа. Гансъ видитъ ее замѣшательство и исчезаетъ въ другую комнату. Неожиданно передъ нею вырастаетъ незнакомецъ. Она пугается, зоветъ Ганса. Незнакомецъ заявляетъ, что они съ Гансомъ пріятели,—познакомились когда-то въ Монте-Карло. Гансъ и Іоланта въ недоумѣніи. Но незнакомецъ знаетъ объ ихъ обоюдной скрытой страсти, знаетъ онъ также, что Іоланта жена другого. Дальше онъ шагъ за шагомъ, путемъ остроумныхъ комбинацій, выполняетъ намѣченный имъ планъ—соединить женщину и мужчину, которыхъ давно тянуло другъ къ другу, но которые хотѣли отказаться отъ этого—и какъ ни противится Іоланта, она неудержимо идетъ къ супружескому разрыву. Какъ только чортъ совершилъ свое дѣло, онъ исчезаетъ. И авторъ саркастически улыбается: плохое счастье доставалось бы намъ на долю, если бы дьяволъ не вмѣшивался въ наши дѣла на этомъ свѣтѣ.

Пьеса оригинальная и интересная. Но весь этотъ блестящій

фейерверкъ утонченнаго ума и парадоксальной мысли требует тонких и умных исполнителей. Самый пустой промахъ здѣсь рѣжетъ глазъ и звучитъ грубымъ диссонансомъ. Въ театрѣ г. Гардина къ пьесѣ отнеслись старательно. У самого г. Гардина („чортъ“) хорошо придуманный гримъ и съ внѣшней стороны онъ подходитъ къ роли, но есть и недостатки: злоупотребленіе позой, заимствованной отъ оперныхъ мѣфистофелей, чересчуръ суховатый резонерскій тонъ, отсутствіе живыхъ художественныхъ штриховъ въ рисункѣ, въ общемъ технически правильно. Г-жа Смолякова удачно справилась съ ролью Иоланты. Плохъ г. Вавичевъ, сдѣлавшій изъ мужа Иоланты, биржевика, совершенно неумѣстную карикатуру. Очень мила и естественна г-жа Эльская (натурщица Мици), г-жъ Туровской (Эльза) не всѣ сцены удалась: мѣшала неуверенность и сбивчивость въ тонѣ. Пьеса имѣла большой успѣхъ и публички на этотъ разъ было много. М. В.

Малый театр. Одинъ только день она была фрейлиной. Судьба готовила ей вѣчный праздникъ. Въ активѣ ея были молодость, красота, богатство, признаніе любимаго человѣка—словомъ, всѣ признаки балованной жизни, безоблачнаго счастья. Но несчастье притаилось за угломъ и ждало. Жениха ея внезапно арестовали по подозрѣнію и увезли въ то время, какъ она впервые представлялась ко Двору. Этотъ день поворотный моментъ въ ея жизни. Съ тѣхъ поръ она заперлась отъ свѣта въ своемъ домѣ въ родномъ уѣздномъ городѣ. Воспитанная, какъ рѣдкой культуры растение, для придворныхъ баловъ и прѣмовъ, далекая отъ пониманія самыхъ обычныхъ житейскихъ отношеній, безглаголиво отворачивающаяся отъ грубой для нея жизни обывательской, прозябаетъ старая барышня, бывшая фрейлина въ кругу своихъ провинціальнѣйшихъ родственниковъ. Яркимъ, какъ молнія, эпизодомъ въ ея жизни промелькнула встрѣча съ женихомъ въ аллеѣ парка—и вокругъ этого воспоминанія бьется ея душа. Стоить кому-нибудь коснуться ея больного мѣста, случайно или намѣренно въ разговорѣ упомянуть о паркѣ, аллеѣ, какъ она преображается. Не слыша, не видя окружающаго, она вся уходитъ въ далекое прошлое и бредитъ, бредитъ на яву. Бредъ кончается припадкомъ. Постепенно медленными шагами подвигается она къ сумасшествію. Волнзненнымъ состояніемъ и неопытностью этого взрослого ребенка пользуется шайка мелкихъ хищниковъ во главѣ съ ея племянникомъ, сколкомъ съ Иудушки Головлева, и имъ удалось бы взять подъ опеку фрейлину и обратить ее, если бы не вмѣшательство ея друзей.

Такова въ двухъ словахъ драма Л. Урванцова „Фрейлина“, поставленная на дняхъ въ Маломъ театрѣ. Судьба этой пьесы также полна случайностей и превратностей. Лѣтъ шесть тому назадъ ее взяли на императорскую сцену и съ тѣхъ поръ изъ года въ годъ томили автора надеждами на постановку. Но свѣтъ ramпы она совершенно неожиданно увидѣла въ Маломъ театрѣ. И странное дѣло, пьеса состарилась за эти шесть лѣтъ, за эти годы летаргическаго сна. Она кажется блѣдной, малокровной, она кажется несвоевременнымъ, запоздалымъ явленіемъ на театральной сценѣ. Шестъ лѣтъ по нынѣшнему темпу жизни для театра очень большой срокъ. Въ свое время можетъ быть не такъ выльзали-бы наружу подпорки и пружины ея искусственной постройки, не такъ бросались бы въ глаза эпизодичность ея отдѣльных сценъ, банальность типовъ, эффекты подъ занавѣсъ.

Пьесу выносятъ на своихъ плечахъ исполнители, подобранные на рѣдкость удачно. Нефривольной трудности роль досталась г-жѣ Холмской. Ея фрейлина—окаменѣвшая въ своемъ призрачномъ величіи, въ своемъ великолѣпнѣйшемъ презрѣніи къ общему складу жизни, чрезвычайно картинная, живописная фигура. И, разумѣется, не вина артистки, что насъ не могутъ тронуть страданія этой бывшей фрейлины на часть, этого лишняго человѣка—они просто психологически непонятны намъ по своей исключительности, по своей неизмѣримой отдаленности отъ насъ. Гораздо жизненнѣе у автора и зато ближе зрителямъ (да и актерамъ, конечно) окружающіе фрейлину родственники. Художественный, законченный образъ Иудушки даетъ г. Зубовъ. Не знаю, на что другое способенъ этотъ актеръ,—я видѣлъ его въ первый разъ, но трудно представить себѣ лучшаго исполнителя роли Алексѣя Монахова. Отъ него дѣйствительно несетъ постнымъ масломъ и елеемъ. Въ задуманныхъ милыхъ тонахъ играетъ г-жа Музиль-Ворождина племянницу фрейлины, ея любимицу Ольгу; такой же простой естественный тонъ у ея партнера г. Нерадовскаго (докторъ Солоновъ). Много шумной, веселой жизни вноситъ въ пьесу г. Блюменталь-Тамаринъ (племянникъ Сергѣй). Истинно-щедринскій типъ (изъ „Пошехонской старины“) даетъ г-жа Корчагина-Александровская въ роли вороватой ключницы-подхалимки. Только большой, разборчивый талантъ можетъ не сбѣсить въ этой роли на шаржъ и трафаретъ. Г-на Михайлова (братъ фрейлины Андрей, паралитикъ) все время возятъ въ коляскѣ—и роль его вся изъ нечленораздѣльных звуковъ. М. Вейконе.

Новый театр. Авторъ поставленной здѣсь новой пьесы „Голосъ жизни“ Альмаръ Бергстремъ принадлежитъ къ тому типу драматурговъ, которые обладаютъ узкой способностью нащупывать и разрабатывать темы, интересующія въ данный моментъ исключительно только ихъ соотечественниковъ и потому находятъ откликъ и сочувствіе лишь у себя на родинѣ. Я говорю это потому, что пьесы Бергстрема пользуются большимъ успѣхомъ въ Даніи, но стоитъ имъ перейти границу, какъ успѣхъ исчезаетъ. При постановкѣ въ Берлинѣ первой пьесы Бергстрема „Lyngaard und Co“ Георгу Брандесу пришлось выступить въ нѣмецкой печати съ горячей рекомендаціей своего земляка—и все-таки пьеса провалилась. Та же участь постигла и у насъ его „Голосъ жизни“.

Какой стариной вѣетъ отъ монологовъ „слободомыслящей“ героини пьесы, вызывающихъ, надо думать, необыкновенный эффектъ на датской сценѣ! „Голосъ жизни“, пьеса à thèse и какъ таковая представляетъ собой изложенный въ діалогахъ трактатъ на тему о гражданскомъ бракѣ. Умная, честная дѣвушка Каренъ, дочь профессора богословія Борнема, старозавѣтнаго флистера и доктринера, автора книги „Христіанство и бракъ“, отца многочисленнаго семейства, въ чемъ онъ видитъ истинную заслугу свою передъ Господомъ Богомъ, дважды преступила строгія заповѣди буржуазной морали. Первый гражданскій мужъ ея умеръ, отъ второго, скульптора Странгора, она сама ушла, возмущенная его измѣной. Никто въ семьѣ не посвященъ въ ея интимную жизнь, но когда докторъ Скоу, не далеко ушедшій по своимъ взглядамъ отъ ея отца, дѣлаетъ ей предложеніе, она не считаетъ возможнымъ скрыть отъ него свое прошлое. Докторъ бѣжитъ отъ нея, какъ отъ зачумленной, а пріѣздъ скульптора Странгора, выставившаго въ городѣ обнаженную статую, для которой когда-то ему позировала Каренъ, окончательно открываетъ глаза ея отцу. Финалъ пьесы—объясненіе ея съ отцомъ. Каждый изъ нихъ остается при своихъ убѣжденіяхъ и Каренъ уходитъ изъ отчужденнаго дома. Столкновѣніе двухъ рѣзко противоположныхъ міровоззрѣній—центръ тяжести пьесы, къ которому первые три акта служатъ только подходомъ. Бьернстернъ, Ибсенъ, Зудерманъ явственно слышатся въ монологахъ отца и дочери.

Пьеса смотрится и слушается съ большою скукой, которую не удастся разсѣять двумъ тремъ болѣе или менѣе оживленнымъ сценамъ. Къ послѣднимъ слѣдуетъ отнести, напр., появленіе Странгора, котораго г. Давыдовъ играетъ не безъ горячности, но съ прѣмами еще малоопытнаго новичка. Отсутствіе опытности вообще замѣтный недостатокъ большинства актеровъ (за исключеніемъ В. Карпова и г-жи Строгановой), участвовавшихъ въ отчетномъ спектаклѣ. Впрочемъ, лучшая часть труппы осталась въ сторонѣ отъ пьесы. М. В.

„Невскій Фарсъ“. Изъ всѣхъ видовъ театральнѣйшихъ представленій, кажется, одинъ только фарсъ остается наглухо заброшеннымъ отъ какой бы то ни было новизны. Консерватизмъ его поистинѣ изумителенъ. Десятилѣтній фарсъ и фарсъ самаго послѣдняго привоза похожи другъ на друга, какъ стертые пятики. Колебанія наблюдаются лишь относительно большаго или меньшаго количества персонажей, раздѣляющихся на сценѣ. Такъ, за послѣднее время замѣчается тенденція въ пользу раздѣляющихся мужчинъ. „Веселенькій домикъ“ поражаетъ именно преобладаніемъ мужского нижняго бѣлья надъ женскимъ. Въ этомъ его новизна. Въ остальномъ старина слышится:—идіотическаго вида дядюшки, отказывающіе все свое состояніе безпутнымъ племянникамъ, обманутыя жены, попадающія случайно, въ поискахъ новой прислуги, непременно въ квартиру кокошки, гдѣ мужей ихъ, прыгающихъ въ однихъ кальсонахъ, ловить сыщикъ, приставленный для охраны высокопоставленной иностранной особы, и, наконецъ, сама кокотка, обманывающая всѣхъ своихъ поклонниковъ по очереди и внѣ очереди. Послѣдній актъ въ камерѣ судебного слѣдователя, большого меломана и автора обзорнѣй. Для оживленія введены танцы парижскихъ хулигановъ и куплеты. Послѣдніе чисто отечественнаго производства: въ нихъ кромѣ городской думы и холеры, фигурируютъ Мейерхольдъ и Ярцевъ. Хулиганы сочувственно подпѣваютъ.—Г-жи Мосолова и Дарова, г. Гаринъ, Николаевъ, Смоляковъ, Улихъ и Вадимовъ самымъ непринужденнымъ образомъ веселятъ публику. В.

Народный домъ графини Паниной. Труппа Передвижнаго театра подъ режиссерствомъ П. П. Гайдебурова, заканчивающая десятилѣтіе своей добросовѣстной, интеллигентной, проникнутой любовью къ театру, какъ къ кавалеріи, дѣятельности, ставитъ полностью драматическую трилогію гр. А. К. Толстого.

Мнѣ особенно пріятно, послѣ моихъ указаній на нѣкоторыя напрасныя „лукавыя мудрствованія“ и претензіи труппы на частичныя ошибки, на неудачное мѣстами исполненіе скромной по дарованіямъ, но симпатичной идейнымъ безкорыстиемъ, своею честною службой интересамъ рабочей аудиторіи дома гр. Паниной, искренно высказать то чувство удовлетворенія, какое вызвалъ во мнѣ спектакль „Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“. Г. Гайдебуровъ проявилъ въ главной роли ту теплоту ду-

шевую, ту святую доброту несчастнаго царя, за которую гр. Толстой хочет заставить и заставляет насъ полюбить Θεодора.

„Богъ не велитъ подняться на него“, — говоритъ Иванъ Шуйскій. — Г. Гайдебуровъ не одаренъ силой яркаго темперамента, но онъ вполне на мѣстѣ для тихаго лиризма; хорошо оттънилъ артистъ и наслѣдственный, скоро проходящій всплски раздраженія Θεодора и его наслѣдственную болѣзненность.

Въ народной аудиторіи надо быть особенно осторожнымъ въ моментахъ, какъ драматическихъ, такъ и комическихъ, и г. Гайдебуровъ кое-гдѣ напрасно подчеркивалъ комизмъ положенія.

Г. Таировъ очень красиво и умно читалъ Бориса Годунова и по внѣшности давалъ типичную фигуру. Видно было, какъ и у г. Гайдебурова глубокое изученіе роли и тонкіе оттънки въ декламации.

Недостатокъ игры г. Таирова, также, какъ и г. Гольдфадена въ роли благороднаго Ивана Шуйскаго — сухость, разсудочность.

Хорошо играла Ирину г-жа Толстая, выдвинувъ и умъ, и сердечность „ангела хранителя“ Θεодора. Выразительный Лупъ-Клешнинъ — г. Черновъ и типичная двуличная Волохова — г-жа Любецкая. Симпатична въ маленькой роли Мстиславской — г-жа Розанова.

Остальные дали дружный ансамбль. При небольшихъ средствахъ постановка пьесы заслуживаетъ похвалы. Очень остроумно сцена раздѣлена поперекъ на 2 половины, занавѣсъ открываетъ одну, а на другой въ это время готовится безумно другая картина пьесы и спектакль идетъ быстро. Декорации на небольшой площади половины сцены, хотя и незатѣйливы, но даютъ извѣстную иллюзию. Только сцена на Яузѣ поблѣднѣла изъ-за блѣдности декоративной пестановки.

А главное хорошо то, что играетъ труппа по старымъ художественно-реальнымъ завѣтамъ, не уродуя классика-драматурга новшествами.

Успѣхъ спектакля на этотъ разъ вполне заслуженъ. Если также хорошо сыграютъ готовящіяся къ постановкѣ прелестную аллегорическую сказку Жулавскаго „Эросъ и Психея“ и „Антигону“ Софокла, — это будетъ подвигомъ труппы.

И. Тамаринъ.

* * *

Первый концертъ Зилоти былъ посвященъ памяти Римскаго-Корсакова. Удачно составленная программа много способствовала успѣху концерта. Разные періоды творчества композитора были представлены лучшими произведениями. Такъ первые годы творчества — превосходной симфонической поэмой „Садко“, въ которой заложены главныя темы будущей оперы. Затѣмъ исполнялась лучшая изъ всѣхъ его увертюры — „Псковитянка“ и симфоническая картина оттуда же. Средній періодъ охарактеризовался 3-мъ актомъ „Млады“, представляющимъ пышный расцвѣтъ фантастическихъ образовъ въ блестящей полнозвучной инструментовкѣ. Послѣдніе годы выразились въ отрывкахъ изъ „Золотого пѣтушка“.

Вечеръ открылся прелюдией М. Штейнберга, посвященной памяти покойнаго композитора. Въ основу ея вошли мотивы изъ записной книжки Римскаго-Корсакова, предназначавшіяся для оперы — мистеріи „Земля и небо“ на сюжетъ Байрона и представляющіе, поэтому большой интересъ. Характерная тема „труба архангела“ и мотивъ шестива ангеловъ очень оригинальны. Конечно, трудно судить по этимъ отрывкамъ, во что могла вылиться предполагавшаяся трагедія; хотя и эти скудные данныя намекаютъ на проявленіе яркой индивидуальности. Прелюдія превосходно звучитъ и, судя по ея содержанію, имѣетъ цѣлью не столько передать непосредственное впечатлѣніе утраты великаго художника, сколько проникнуть въ планъ общаго характера предполагавшейся мистеріи. Порою въ ней слышатся отзвуки „Китежа“.

Солстка вечера, г-жа Владимірова, обнаружила чистый, звонкій и сильный голосъ. Верхіе превосходны, нижнія ноты немного слабѣе. Исполненіе дебютантки еще не вполне свободное, желательна большая теплота въ выраженіи. Пѣвица, спѣвъ арію Марвы изъ „Царской невѣсты“ и ариетту „Снѣгурочки“, имѣла вполне заслуженный успѣхъ. Совмѣстно съ Чупрыниковымъ исполнены ею два дуэта „Панъ“ и „Пѣснь пѣсней“ подъ аккомпанементъ оркестра. Послѣдній дуэтъ оставилъ большое впечатлѣніе. Дирижеру Зилоти, проводившему длинную программу, лучше всего удалась „Садко“ и шестивѣ изъ „Золотого пѣтушка“.

В. С.

Письма въ редакцію.

М. г. Мнѣ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по поводу Имп. Рус. Театральнаго Общ. Живя большою частью въ провинціи, мнѣ не разъ приходилось и читать и слышать и самому принимать участіе въ нападкахъ на Т. Об. Постоянно прихо-

дилось слышать о томъ, что оно совсѣмъ уже разложилось и нравственно и матеріально, и что намъ остается только желать его скорѣйшей смерти... По приѣздѣ своемъ въ Петербургъ, я захотѣлъ посмотрѣть и убѣдиться лично, что сдѣлано оно для нашихъ стариковъ и дѣтей. Привыкнувъ относиться критически къ дѣятельности Т. Об. вообще, я и въ данномъ случаѣ не ожидалъ отъ него ничего хорошаго.

Но то, что я увидѣлъ и услышалъ здѣсь на мѣстѣ въ дѣйствительности, просто не поддается ни моему описанію, ни моему восхищенію. Я думалъ, что ѣду въ богадѣльню, а попалъ въ какой то барскій особнякъ, заграничный отель, санаторію богатаго доктора. Все устроено поразительно удобно, уютно, комфортабельно на самый прихотливый вкусъ, съ большимъ вниманіемъ и огромной любовью, все сдѣлано, чтобы натерпѣвшійся и наголодавшійся русскій актеръ отдохнулъ здѣсь на закатѣ дней своихъ.

Все сдѣлано, чтобы изъ актерскихъ дѣтей вышли порядочные и сколько нибудь образованные люди.

Т. Об. въ правѣ гордиться этими учрежденіями и въ лицѣ своихъ постоянныхъ руководителей оно можетъ сказать: „мы сдѣлали все, что могли“... Допустимъ, что оно стояло на ложномъ пути, что оно было учрежденіемъ бюрократическимъ, что оно поддерживало сильныхъ и т. д., но оно создало Убѣжище и приютъ и за это мы обязаны сказать ему большое спасибо. Шутка-ли, оно призываетъ болѣе 40 стариковъ и содержитъ, воспитываетъ и обучаетъ около 70 дѣтей!

Знать, что въ самую трудную минуту твоей жизни, когда ты окажешься не работоспособнымъ, у тебя найдется мѣсто для отдыха, который ты по праву заслужилъ — развѣ это не благо!? Знать, что твои малолѣтніе дѣти послѣ твоей смерти или какого-либо несчастія не очутятся на улицѣ, а попадутъ въ приютъ — развѣ это не хорошо?! И вотъ, когда я увидѣлъ и живо почувствовалъ все это здѣсь на мѣстѣ, то мои уста замкнулись для критики. Цѣль моего письма — показать своимъ провинціальнымъ товарищамъ, какъ бываетъ мы не правы, когда безпощадно носимъ Т. Об., желаемъ ему скорой гибели, забывая о своихъ старикахъ и дѣтяхъ и, главное, какъ мало мы даемъ для поддержанія этихъ учреждений его.

Одинъ изъ несогласныхъ ни съ дѣятельностью, ни съ направлениемъ Т. Общества.

Актеръ И. Марковъ.

М. г. „Толстовскіе дни въ Тифлисѣ“ прошли совсѣмъ незабвенно... Только скромное „О-во народныхъ развлеченій“ рѣшило отпраздновать юбилей великаго писателя“.

Чтобы доказать несправедливость приведенныхъ словъ корреспонденціи г. Пенснѣ, достаточно представлено прилагаемой при семъ программы, изъ коей редакция усмотритъ, что не одно „О-во народныхъ развлеченій“ почитаетъ Толстого. 8-го сентября при биткомъ набитой аудиторіи кружкомъ любителей при о-вѣ народныхъ чтеній праздновался юбилей гр. Л. Н. Толстого въ старѣйшемъ народномъ театрѣ Тифлиса — Авчальской аудиторіи. Очевидно, г. Пенснѣ „толстовскіе“ дни проводилъ неотлучно въ „О-вѣ народныхъ развлеченій“, которое онъ считаетъ, вѣроятно, синонимомъ города Тифлиса, ибо, въ противномъ случаѣ, мы считали бы умолчаніе о спектаклѣ 3-го сентября, въ Авчальской аудиторіи умышленнымъ. Невольно вспоминаешь слова горьковскаго Луки: „Земля-то не вся въ твоёмъ участкѣ помѣстилась... осталось маленькое и опричь его“.

Просимъ редакцію не отказать въ напечатаніи сего письма.

Режиссерскій совѣтъ кружка любит. при о-вѣ народн. чт. въ гор. Тифлисѣ: Г. Бейлинъ, М. Недолинъ, И. Осиповъ, И. Звадовъ, А. Леонидовъ.

Чествованіе Художественнаго театра.

Самое жадное честолюбіе должно чувствовать себя сытымъ — дѣйствительность оказалась богаче мечты.

Такъ торжественъ былъ праздникъ, устроенный Художественному театру. Такъ громко и дружно было признаніе его заслугъ.

И противники, которые ведутъ съ Художественнымъ театромъ принципиальную борьбу, говорили съ тѣми же интонаціями, что и самые вѣрные друзья.

Любви къ нему всѣ возрасты покорны, и всѣ литературныя и художественныя теченія, казалось бы — ни въ чемъ не сходящіяся, и реалиста изъ „Русскаго Богатства“, и декадента изъ „Грифа“.

Конечно, каждый голосъ вносилъ свой оттънокъ, а центръ сочувственнаго вниманія передвигался то вправо, то влѣво. Но это лишь уничтожало юбилейную монотонность, не разбивая гармоніи.

Публичный праздник,—до него были семейный, труппа трогательно и искренно чувствовала гг. Станиславского и Немировича-Данченко,—начался въ 2 часа. И въ 6 онъ не былъ еще конченъ, хотя порядокъ удалось устроить образцовый, и экономили каждую минуту. Такъ длиненъ былъ рядъ депутатей проходившихъ передъ трибуною на сценѣ и посылавшихъ привѣтъ въ партеръ, гдѣ сидѣла труппа-юбиларша.

На отпечатанномъ спискѣ ихъ было свыше шестидесяти, въ день праздника явились еще нѣсколько. Тутъ были театры—московскіе, петербургскіе, провинціальныя, литературныя учрежденія, художественныя школы, московскія и петербургскія редакціи, свыше десяти депутатей отъ студентовъ и студентокъ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Нѣкоторые депутаты пріѣхали изъ Петербурга—Венгеровъ, г-жа Гуревичъ, Евреиновъ, Строевъ, Чюмина и т. д.

И цѣлый океанъ телеграммъ. Какой-то любитель статистическихъ выкладокъ сосчиталъ, что телеграммы стоили до тысячи рублей, и что читать ихъ пришлось бы 6 часовъ безъ передышки. Конечно, это было невозможно. И такъ юбиляровъ „отчитывали“ 4 часа. Изъ этого моря наспѣхъ выловили лишь нѣсколько телеграммъ, особенно импониовавшихъ подписями: отъ Федотовой, Ермоловой, Теляковского, Леонида Андреева, Горькаго, Муромцева, Головина, „компаніи кадетовъ“, съ Милуковымъ и Родичевымъ во главѣ, Барная, еще нѣсколько. Была, между прочимъ, оглашена и телеграмма редактора „Театра и Искусства“. Онъ, какъ знаетъ читатель,—далеко не изъ энтузиастовъ Художественнаго театра, но изъ стана принципиальныхъ враговъ. Сказанный имъ слова приобрятели не только особую, такъ сказать, пикантность, но и особый интересъ.

На общемъ фонѣ выдѣлилось одно привѣтствіе—письмо въ музыкѣ. Самое обыкновенное письмо, низкая проза. Его переложилъ на музыку Рахманиновъ и спѣлъ Шаляпинъ, какъ умѣетъ пѣть только онъ. Это было какой-то совсѣмъ новый музыкальный жанръ,—и смѣло-оригинальный, и очень талантливый.

Не хватало одной депутации, одного привѣтствія,—отъ Малаго театра. Это была не демонстрація. Или, если демонстрація, то никакъ не противъ Художественнаго театра. Это было выраженіе траура. Въ самый канунъ праздника Малаый театръ понесъ громадную потерю: умеръ Александръ Павловичъ Ленскій. Меньше недѣли назадъ онъ былъ въ театрѣ, 3—4 дня назадъ онъ писалъ письмо въ одну изъ московскихъ редакцій, протестуя противъ незаслуженныхъ наладокъ на него какой-то газеты. Но болѣзнь (астма) вдругъ сдѣлала крутой скачекъ. Въ понедѣльникъ утромъ положеніе было уже безнадежное, а въ шесть часовъ вечера членамъ комитета, организовавшимъ чествованіе Художественнаго театра, сказали по телефону страшную вѣсть: Александръ Павловичъ закрылъ навѣкъ глаза...

Первое слово на торжественномъ актѣ было, конечно, посвящено Ленскому. Память его почтена, по традиціи, встаніемъ. Передъ актомъ Художественный театръ отслужилъ по Ленскому панихиду въ церкви, а вечеромъ in согорогъ пріѣхалъ на Брянскій вокзалъ и служилъ литію у раскрытаго вагона съ дорогими останками великаго артиста. Такъ праздникъ окружился тоскующими звуками „Вѣчной памяти“... Вечеромъ Литературно-Художественный кружокъ, которому вообще принадлежалъ починъ въ организаціи чествованія и ея распорядительная работа, собирався дать въ честь артистовъ Художественнаго театра раутъ. Была готова цѣлая программа — шестіе, интермедія, пародія, куплеты и т. д. Конечно, эта увеселительная часть праздника была отмѣнена, какъ не совмѣстимая съ трауромъ всего артистическаго міра по Ленскому.

Около 6 часовъ трибуна на сценѣ, передъ которой говорили и читали депутаты, совсѣмъ утопала подъ адресами и телеграммами; вокругъ нея точно выросъ пышный садъ изъ лавровъ и цвѣтовъ. Чествованіе подошло къ концу. Послѣ короткаго перерыва были отвѣты на него.

К. С. Станиславскій прочиталъ докладъ объ эволюціи художественныхъ идей въ его театрѣ и раздѣлилъ весь пройденный путь на 7 этаповъ. Дѣленіе было немного искусственное, по разнымъ принципамъ. Имъ неясно преступали грани между этапами, тѣ черты, что отличали одинъ отъ другого. Но въ докладѣ много очень интересныхъ признаній. И многія особенности театра освѣтились совсѣмъ новымъ свѣтомъ. Такъ, въ первую пору многое изъ того, что считалось насиліемъ надъ актеромъ и предпочтеніемъ мертвыхъ вещей живой душѣ было, по признанію самого Станиславскаго, лишь желаніемъ заслонить неопытность, неумѣлость актеровъ. Промелькнула, но осталась лишь не развитая намекомъ, мысль о роли актерской воли въ сценическомъ творествѣ. Самое же значительное признаніе, — что Художественный театръ, описавъ большой кругъ, пришелъ къ тому же, отъ чего отправился въ путь,—къ реализму. Теперь онъ будетъ маякомъ среди плавания.

Въ рѣчи В. И. Немировича-Данченко, бравшей больше непосредственностью и искренностью, чѣмъ ораторскою стройностью, была рассказана исторія первой встрѣчи его съ Станиславскимъ. Она отчасти уже знакома читателю „Театр. и

Иск.“ по одной изъ статей въ предыдущемъ номерѣ. Бесѣда въ Славянскомъ Базарѣ длилась семнадцать часовъ! Вторая часть рѣчи говорила о томъ, что дало Художественному театру силу: о жившей во всѣхъ его участникахъ готовности къ самоотреченію, къ отказу и отъ личныхъ самолюбію, и отъ личныхъ вкусовъ, даже отъ личныхъ принциповъ въ интересахъ цѣлаго общаго дѣла.

И оба кочили тѣмъ же: Общедоступнымъ театромъ. Мечтой о немъ живутъ теперь художественники. Она, эта мечта, была и десять лѣтъ назадъ. Но одна часть имени—„Художественный“—сожрала другую—„Общедоступный“. Такимъ двойнымъ именемъ назывался въ началѣ театр. Теперь мечта воскресла. Объ ней заявлено на праздникѣ. И „на зубокъ“ новорожденному уже принесено: театръ Зимина—500 р., издатель „Золотого Руна“—1000 р.

Такъ прошлое стало переливаться въ будущее.

† А. П. Ленскій.

13 октября отъ грудной жабы скончался Александръ Павловичъ Ленскій. Покойный родился въ Москвѣ 1-го октября 1847 г., и провелъ свое дѣтство въ семьѣ извѣстнаго артиста Полтавцева, у котораго собирались московскіе артисты того времени и многіе представители московскаго литературнаго міра. Ребенокъ выросъ въ атмосферѣ театра. Часто посѣщая спектакли, онъ бредилъ ими. Готовилъ себя Ленскій къ художественной карьерѣ, къ которой чувствовалъ призваніе. Впрочемъ, образованіемъ его почти совсѣмъ не занимались; оно было, по выраженію самого артиста, „какое-то чрезполосное“: то его учили всему, набивали голову всѣмъ, что въ то время считалось нужнымъ для образованнаго человѣка, то оставляли на произволъ судьбы и не занимались имъ по цѣлымъ годамъ. При такихъ-то обстоятельствахъ выросъ и достигъ 19-ти-лѣтняго возраста Александръ Павловичъ. Въ это время здоровье Полтавцева надломилось, и молодой человѣкъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, не отягощать собой своего воспитателя. И вотъ онъ рѣшается поступить на сцену, ѣдетъ съ ничтожными средствами во Владиміръ и предлагаетъ себя тамошнему антрепренеру Огареву на роли безъ словъ. Первый выходъ Ленскаго состоялся въ 1866 году, въ пьесѣ „Игра счастья“, въ роли слуги. „Я не чувствовалъ подмостковъ подъ собой,—разсказывалъ покойный:—мнѣ казалось, что всѣ глаза обращены на меня и что я изъ ничтожества, изъ ничего не значащей личности, вдругъ обратился во что-то такое, имѣющее значеніе и далеко не мало значущее“. Черезъ годъ онъ перешелъ въ Нижній, къ Смолькову, и занялъ у него амплуа комическихъ стариковъ; здѣсь онъ женился на артисткѣ нижегородскихъ театровъ, Аннѣ Петровнѣ Сорокиной. Поступивъ въ Самару, въ труппу Разсказова, А. П., по его совѣту, перемѣнилъ амплуа и взялъ на себя роли молодыхъ любовниковъ, и въ нихъ впервые артистъ показалъ силу своего таланта. Въ 1876 году, спустя десять лѣтъ послѣ перваго выхода на сцену, онъ рѣшился выступить въ Маломъ театрѣ въ пьесѣ „Ошибки молодости“.

На Императорскую сцену онъ былъ принятъ съ жалованьемъ въ 800 рублей въ годъ и 20 рублей разовыхъ. Въ 1882 году онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, съ окладомъ въ 7,200 руб., откуда въ 1883 г. на тѣхъ же условіяхъ, вновь перешелъ на московскую сцену. Въ 1886 году А. П. вступилъ во вторичный бракъ съ баронессою Л. Н. Корфъ. Въ 1897 г. А. П. съ семействомъ разрѣшилъ носить фамилію Ленскій, вмѣсто прежней фамиліи—Вервицкіи. Со времени открытія драматическихъ курсовъ при московскомъ театральномъ училищѣ А. П. Ленскій занималъ мѣсто преподавателя драматическаго искусства. Въ 1899 и 1900 гг. онъ былъ командированъ за границу для ознакомленія съ театральной педагогикой въ Европѣ. А. П. Ленскій завѣдывалъ драматическими спектаклями молодыхъ силъ въ Новомъ театрѣ со дня его открытія. Расцвѣтъ дѣятельности этого артиста живъ въ памяти каждаго изъ видѣвшихъ его на московской и петербургской сценахъ. Уріэль Акоста, Донъ-Жуанъ, Бенидиктъ, Глумовъ („На всякаго мудреца“), Гамлетъ, вотъ первыя, пришедшія на память, его лучшія роли.

Памяти дорогого учителя.

А. П. Ленскаго не стало. Отошелъ художникъ, великій учитель! Не буду касаться на страницахъ журнала творчества Ленскаго, какъ сценическаго дѣятеля: театральная Россія слишкомъ знала, любила и уважала его чуткую, талантлиую, ху-

† А. П. Ленскій.

дожественную натуру... Скажу лишь о немъ нѣсколько словъ, какъ о незабвенномъ руководителѣ школы... Это былъ учитель вдохновитель. Когда Ленскій въ стѣнахъ школы ставилъ отрывокъ, пьесу—онъ зажигалъ своимъ увлеченіемъ, темпераментомъ не только исполнителей, но и всю аудиторію... Ленскій любилъ своихъ учениковъ, онъ переживалъ съ ними и горе и радость, онъ отдалъ школѣ двадцать лѣтъ своей жизни, и я смѣло говорю: все, что въ послѣднее время писалось на страницахъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій о его будто бы непріязненномъ отношеніи къ намъ, его питомцамъ—ложь.

Какъ смотрѣлъ Ленскій на школу? Печатаю выдержку изъ его письма ко мнѣ...

„По моему ошибочно по школьной карьерѣ опредѣлять талантливость или бездарность ученика: талантливость выясняется потомъ, когда онъ станетъ на ноги и начнетъ работать самостоятельно... А о школьникахъ можно говорить: этотъ толковый, а этотъ безтолковый... Назначеніе школы вырабатывать *средняго* актера съ широкимъ специальнымъ образованіемъ... То, что даетъ школа не блеститъ, не сверкаетъ: она даетъ фундаментъ, на коемъ ученикъ въ послѣдствіи строитъ храмъ своего таланта, давая ему *свой орiginalный стиль*. Школа не можетъ вполне отучить ученика отъ его дурныхъ манеръ говорить и двигаться (24 мѣсяца—слишкомъ короткій срокъ), но она *указываетъ* ему на его ошибки и тѣмъ даетъ средства исправить ихъ въ послѣдствіи. Если наши ученики, выйдя изъ школы, пожелаютъ учить другихъ, то этимъ они погубятъ и себя и испортятъ наше святое дѣло. Ваше дѣло благотворно, незамѣтно *влѣзаетъ* подобно хорошей женщинѣ въ семью, а не учитъ!.. Еще совѣтъ вашего бывшаго учителя: никогда не увлекайтесь пошлымъ успѣхомъ въ пошлыхъ пьесахъ!.. Не позволяйте своему вкусу засариваться, подобно желудку. Засореніе неизбежно и страшно потому, что *незамѣтно* наступаетъ. А потому, какъ только приняли, проглотили мерзость въ родѣ фарса, сейчасъ касторку—какое нибудь классическое произведеніе, русское или иностранное!.. Каждый годъ носите въ душѣ какую либо облюбованную вами хорошую пьесу и роль въ ней, настаивайте на ея постановкѣ и изучайте! Ставьте условіемъ постановку такой-то пьесы!.. Такъ поступалъ я во время моего горькаго скитанія по провинціи и не мало пролилъ слезъ, настоящихъ слезъ отъ издѣвательства моихъ милыхъ товарищей“...

Ленскаго сломила ошибка. Только этимъ можно объяснить его согласіе взять въ руки бразды режиссерскаго правленія, да еще фиктивные бразды! Ему былъ чуждъ духъ администратора.

Его давилъ бюрократизмъ. Его давили эти безконечные предписанія и циркуляры, цѣлый дождь циркуляровъ и выговоровъ.

„Увезите меня скорѣе отъ этихъ людей!“ Послѣднія слова Александра Павловича...

Эти „люди“ подкосили его жизнь, „люди“ подкашиваютъ Малый театръ.

Спи съ миромъ, дорогой учитель... Твои завѣты будутъ жить среди насъ!

М. Стростъ.

Актеръ-художникъ.

(Памяти Александра Павловича Ленскаго).

„Сценическое искусство есть искусство неблагодарное, потому что оно живетъ только въ минуту творчества и, могущественно дѣйствуя на душу въ настоящемъ, оно неуловимо въ прошедшемъ“.

Гмлинскій.

Смерть Ленскаго глубоко потрясла меня. Она, вѣроятно, такъ же глубоко потрясла и всякаго другого сценическаго дѣятеля, видящаго въ сценическомъ искусствѣ не побрякушку съ бу-бенчиками и не торжище для общественного растлѣнія, какъ это часто видятъ теперь; а могучее орудіе культуры. Бываютъ періоды въ жизни искусства, когда, кажется, что оно гибнетъ: такъ велико его извращеніе и такъ велико торжество его развратителей. Въ такіе періоды утѣшаешь себя тѣмъ, что еще живы дѣятели, съ именемъ которыхъ всѣ привыкли соединять представленіе о дѣйствительномъ искусствѣ, о дѣйствительномъ художественномъ творествѣ, а не о поддѣлкѣ того и другого. Именно такимъ было имя Ленскаго. Какъ у всякаго глубоко проникнутаго своими идеями дѣятеля, было у него много враговъ; но и враги признавали въ немъ ту великую дѣйствительную силу, которая покоряетъ, потому что творитъ глубоко и правдиво. Имя Ленскаго отметало отъ театра все непрістойное, ложное, грубое и, напротивъ, объединяло все лучшее и чистое въ томъ священномъ культѣ, который называется культомъ искусства.

Еще задолго до поступленія на сцену московскаго Малаго театра Ленскій приобрѣлъ себѣ въ провинціи репутацію артиста-художника—не только потому, что рядомъ съ огромнымъ сценическимъ талантомъ, обладалъ талантомъ рисованія, но главнымъ образомъ потому, что отъ первой до послѣдней роли, какія только приходилось ему играть на сценѣ, онъ не только «исполнялъ», но и создавалъ. Я живо помню одинъ изъ зимнихъ сезоновъ въ одномъ провинціальномъ городѣ, издавна славившемся своимъ театромъ и игравшими въ немъ труппами, изъ нѣдръ которыхъ въ послѣдствіи вышло такъ много дѣйствительно талантливыхъ актеровъ. О, какой это былъ чудный, счастливый сезонъ! Въ труппу былъ приглашенъ Ленскій, котораго мы еще не знали, такъ какъ онъ въ этомъ городѣ былъ въ первый разъ. Съ замираніемъ сердца мы, юные театралы, ждали его перваго выхода—что-то онъ представляетъ собой?.. И Ленскій съ первыхъ словъ завоевалъ нашу горячую любовь. Мы никогда еще не слышали такой правильной, образцовой читки, такого сердечнаго, задушевнаго голоса. Мы никогда еще не видѣли такой художественной простоты въ исполненіи роли. Передъ нами впервые въ эпоху нашихъ дѣтскихъ впечатлѣній на сценѣ жилъ человекъ, а не игралъ актеръ. И каждая новая роль показывала намъ Ленскаго съ совершенно новой стороны. Ни разу онъ не повторялся въ своихъ созданіяхъ. Каждый разъ передъ нами стоялъ новый

Афиша первой пьесы („Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ“) въ московскомъ Художественномъ театрѣ.

человѣкъ со всѣми своими оригинальными чертами, манерами, голосомъ, походкой. Иногда мы, зная, что играетъ Ленскій, не вѣрили себѣ, потому что не могли узнать его въ той роли, которую онъ игралъ. Каждый спектакль съ его участіемъ былъ для насъ праздникомъ искусства, а насколько былъ онъ разнообразенъ въ художественномъ созданіи характеровъ самыхъ несходныхъ, могу указать, что онъ былъ одинаково великъ и въ роли Гамлета, и въ роли Самозванца (изъ пьесы Н. А. Чаева). Вскорѣ послѣ того состоялся его дебютъ на московской сценѣ. Мы ревностно слѣдили за его дѣятельностью и не сказано были поражены тѣми интригами, которыя въ Москвѣ долго «затирали» его и не давали ему развернуть всѣ свои силы. Наконецъ правда побѣдила, и Ленскій занялъ въ Москвѣ приличествующее ему мѣсто. Но на его глубокую, нѣжную, правдивую натуру работа при московскихъ условіяхъ

подѣйствовала угнетающимъ образомъ. Разладъ между его самыми заветными идеалами и некрасивой дѣйствительностью, ложь и лицемеріе, которыя его окружали на каждомъ шагѣ, пигмеи, неистово пробирающіеся въ люди неразборчивыми средствами, часто по его спинѣ—все это мучительно отзывалось на творческихъ силахъ его духа. Его энергія падала, силы надламывались. Когда еще на первомъ Всероссийскомъ Сѣздѣ сценическихъ дѣятелей 1897 г., я обратилъ его вниманіе на то, какъ онъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы его знали въ провинціи, онъ съ несповѣдимою грустью сказалъ мнѣ: «Да, много пришлось и приходится переживать!»

Въ самый расцвѣтъ его дѣятельности въ Москвѣ мнѣ пришлось переписываться о немъ съ знаменитымъ Генри Ирвингомъ: онъ очень интересовался его исполненіемъ шекспировскихъ ролей и, собираясь въ то же время пріѣхать въ Россію, куда я его такъ настойчиво звалъ, жаждалъ посмотрѣть игру Ленскаго. Этому не суждено было сбыться. Но объ игрѣ Ленскаго въ англійскихъ театральныя кругѣхъ того времени говорили много и сочувственно. По моему глубокому убѣжденію Ленскій не обладалъ такими свойствами трагическаго таланта, которыя дали бы ему возможность играть роли Макбета, Лира, Отелло и т. п., но въ драмахъ Шекспира (напримѣръ, «Зимняя сказка») и въ особенности въ его комедіяхъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго ни до него, ни послѣ него. Ни одинъ изъ русскихъ актеровъ не понималъ Шекспира такъ глубоко, какъ Ленскій, и ни одинъ изъ нихъ не игралъ пьесъ Шекспира такъ вѣрно, выразительно и художественно.

Ленскій былъ чуждъ въ игрѣ своей всякой ложной аффектаціи, чуждъ всякой неправдѣ, какъ бы красива она ни казалась людямъ, пресыщеннымъ чистыми радостями искусства. Способность перевоплощенія въ роль была развита въ Ленскомъ въ высшей степени. Вполнѣ сознавая размѣры своей трагической силы, Ленскій однако былъ человѣкомъ необычайно застѣнчивымъ и скромнымъ: не говоря уже о томъ, что онъ ненавидѣлъ рекламу, онъ никогда не праздновалъ своихъ юбилеевъ—ни 10-лѣтняго, какъ это дѣлаютъ теперь, ни даже 25-лѣтняго. Искусство было для него святыней и осталось ею до самой смерти его. Такого актера, какимъ былъ Ленскій, на русской сценѣ нѣтъ, и замѣнить его на московской сценѣ не въ силахъ никто. Потеря его для русскаго театра незамѣнима въ полномъ смыслѣ этого слова. Я хотѣлъ бы вѣрить, что у свѣжей могилы нашего самаго талантливаго актера русскій сценическій міръ объединится наконецъ одною мыслью, что театръ не игрушка и не забава праздности и бездѣлья, а великая народная кафедра, народная трибуна, съ которой можно говорить только правду; — что превращеніе театра въ арену для представленій порнографическихъ пьесъ есть преступленіе, постановка въ театрѣ сказокъ и феерій — скоморошество, а сваливаніе въ театръ пошлыхъ дѣтищъ современныхъ модернистскихъ вождѣній просто гнусно. Я хочу вѣрить, что русскій сценическій міръ, наконецъ сознаетъ свою настоящую общественную силу и свои общественныя обязанности и во имя общественнаго блага тысячами именъ своихъ выступитъ противъ превращенія театра въ домъ неприличной торговли. Тогда сами собой падутъ преграды между искусствомъ и народомъ, и народъ глубоко оцѣнитъ тѣхъ, кто служилъ искусству во имя его культурныхъ задачъ, а не торговалъ подъ видомъ служенія искусству развращающими его произведеніями.

— П Е Т Е Р Б У Р Г С К І И Т Е А Т Р Ъ . —

Г-жа Сергѣева
(Роза).Г. Лукницъ
(Эрнстъ).Г-жа Ионовская
(Маня).Г. Освѣтцкій
(Миронъ).Г. Хенкитъ
(Госка).Г. Антимополь
(Давидка).Г. Гошенко
(Шмилъ).

„Король“, С. Юшкевича, 2-й актъ.

Постановка М. Т. Строева. Декорація г. Новикова.

Что станутъ дѣлать всѣ эти бездарные драмодѣлы и выкраиватели чужихъ пьесъ, всѣ порнографы и поставщики модернистскихъ литературныхъ базаровъ, если сценическіе дѣятели откажутся играть ихъ издѣлія? Безъ исполнителей ихъ «пьесы» останутся мертворожденными и нѣмыми. Безъ исполнителей у нихъ не будетъ оружія для распространенія этихъ «пьесъ».

За то все, что создано въ драматической поэзіи великаго, увидить народъ. Какое право имѣетъ театръ лишать народъ возможности развивать свой художественный вкусъ на представленіяхъ пьесъ величайшихъ драматурговъ всѣхъ странъ? Какое право имѣетъ театръ развращать народъ произведеніями, не имѣющими ничего общаго съ искусствомъ, въ угоду малой кучкѣ истаскавшихся модернистовъ, утратившихъ здоровый художественный вкусъ въ эксцессахъ душевныхъ и половыхъ извращеній?

Я хочу вѣрить, что на могилѣ лучшаго нашего актера-художника, А. П. Ленскаго, востанетъ весь сценическій міръ и грудью встанетъ на защиту великаго, святаго искусства, вырветъ его изъ грязнаго знамя изъ рукъ торгашей и эксплуататоровъ и возвратитъ его народу во имя его права на художественное развитіе, на художественную культуру. Да будетъ такъ!

Анатолій Кремлевъ.

Философія съ пиротехникой.

(„Синяя птица“ у художественниковъ).

Мѣсто-ли доктринѣ въ области искусства? Метерлинкъ, повидимому, думаетъ, что да—и чистую поэзію своей нѣжной, трогательной сказки «Синяя птица» загромождаетъ массой ненужныхъ символическихъ поясненій, олицетворяя въ человѣкѣ вещи и животныхъ.

Дарованіе Метерлинка большое, симпатичное, но...

«Зови меня вандаломъ, я это имя заслужилъ»,— что хотѣлъ сказать Метерлинкъ «Синей птицей»? Какія новыя движенія души онъ силится показать намъ? Что разгадано въ вѣковѣчной сказкѣ? Въ чемъ состоитъ освобожденіе человѣка отъ ужасовъ смерти и побѣда духа надъ плотью и всѣмъ земнымъ?

Тайна попрежнему остается тайной и высшее жизни—тоже своего рода синяя птица—смутнымъ стремленіемъ къ чему то совершенному, необъятному, отъ чего сладкій трепетъ потрясаетъ существо. Но какъ бы въ возмездіе за эти исключительныя минуты, дѣйствительность тотчасъ же даетъ себя чувствовать отвратительными болѣзнями, суетнымъ представленіемъ ночной темноты, ледящими уроками прошедшаго и крайне условной, крайне субъективной картиной грядущаго.

Что это, на примѣръ, за «новорожденные души» въ олицетвореніи изящныхъ, красивыхъ дѣвъ, въ

Г-жа Добровольская (Этель).

Г. Тарекій (Гросманъ).

„Король“, С. Юшкевича, 4-й актъ.

Постановка М. Т. Строева. Декорація г. Новикова.

довольно реальных позыхъ и одѣяніяхъ, въ морѣ мягкихъ, тающихъ огней среди волшебныхъ по красотѣ, но возможныхъ колоннъ небснаго и золотого цвѣта? Мнѣ съ такимъ же правомъ эти «нерожденные души» всегда представлялись въ понятіи безконечно малыхъ величинъ, носящихся по воздуху и вышшимъ, незримымъ предопредѣленіемъ попадающихъ «сюда» для размноженія несчастныхъ «смертныхъ».

Сказка не такъ глубока, какъ кажется съ перваго взгляда. Что это за «царство будущаго», если тамъ, на ряду съ упоительной лазоревой гармоніей, пріютились сумрачная скорбь, апатія и даже полицейскій въ символѣ времени съ грозной косою?

Гораздо проще послушали бы и взрослые, и дѣти, синюю птицу въ формѣ непретенціозной, дѣтской

НОВЫИ ТЕАТРЪ.

„Бѣлая ворона“, Е. Чирикова.

Промотовъ—г. Судьбининъ. Рис. М. Слѣпана.

сказки, гдѣ воображеніе безъ всякихъ усилій — аллегорій и символовъ—реализируетъ свои созданія, какъ живыя.

Вспомните несравненные народные сказки. Какъ нѣкоторыя изъ нихъ даже у взрослыхъ врачуютъ сердце, успокаиваютъ разгоряченный мозгъ, не—смотря на вопіющія нарушенія законовъ естества!

Во всякой художественной области одно изъ двухъ: если главный предметъ даннаго произведенія сказка, такъ и выдавайте ее за простую сказку, а если жизнь подъ видомъ сказки, то не выходите изъ рамокъ возможнаго.

Метерлинкъ хочетъ насъ увѣрить, что есть такія невыразимыя, тончайшія ощущенія сердца, которыя выше всѣхъ доказательствъ самаго воспитаннаго разума. Это неоспоримая истина, но называется она не больше, не меньше, какъ откровеніемъ, которымъ владѣли во всей полнотѣ только міровые художники,—и Метерлинкъ не изъ ихъ числа...

Жизнь людей не мечта, а тяжелый подневольный трудъ. Каждое умственное завоеваніе обходится человѣку несказанно дорого, стоитъ иногда полжизни, а то и всей жизни. Все, что удастся намъ узнать, открываетъ глаза только на то, какъ мы слабы и безпомощны, и каждый шагъ знанія показываетъ, какіе неисчислимые міры внѣ нашего разумія. Врядъ ли когда въ метерлинковскихъ исканіяхъ станемъ выше гончаровскаго слуги Валентина, съ необычнымъ внѣшнимъ глубокомысліемъ читавшаго «господина» Жуковского:

...«И зримо ей въ минуту стало

Незримое съ давнишнихъ поръ»...

Вотъ какія безотрадные мысли будить, по крайней мѣрѣ у меня, Метерлинкъ. А впрочемъ, знаю, многіе это отнесутъ къ моей нечуткости.

Есть-ли какое нибудь откровеніе, хоть намекъ на него, въ «Синей птицѣ»? Всѣ эти «вочеловѣчившіеся» символы до такой степени условны и даже тенденціозны, что подъ конецъ утомляютъ. Интересна только развѣ ихъ чисто теософическая сторона, при помощи которой живущіе могутъ *фантазировать* на всѣ лады относительно общенія съ умершими, какъ бы никогда не умиравшими.

Однако, странное дѣло: можетъ быть, еще никогда общество не нуждалось въ такихъ писателяхъ, какъ Метерлинкъ. Наши чувства такъ устали, такъ всѣмъ пресытились, наши мелкія самолюбія такъ преисполнены надменности и самообольщенія, что безпочвенная, туманная, но трогательно безобидная поэзія Метерлинка какъ разъ намъ по плечу.

Личность, въ смыслѣ яркой индивидуальности, особенно не терпится въ наше время, какъ мы ни силится всѣ казаться «сверхъчеловѣками». Когда я смотрѣлъ «Синюю птицу», эта мысль еще разъ неприятно пронизала мою голову.

Во всякомъ случаѣ, если Метерлинку Синяя птица кажется счастьемъ челоѣчества, то онъ, очевидно, забылъ о насъ, бѣдныхъ актерахъ. Для насъ его «Синяя птица» можетъ оказаться въ одинъ день очень злой мачехой.

Если-бы лѣтъ семьдесятъ назадъ появились такія пьесы и такой чародѣй въ постановкѣ, какъ г. Станиславскій, вѣдь Мочаловымъ пришлось бы плохо! Имъ бы смѣло могли сказать: «знаете-ли, милые друзья, вы совсѣмъ не боги и нечѣмъ вамъ гордиться. Боги—это электричество—пиротехника».

Постановка «Синей птицы», дѣйствительно, чудесная. Говорятъ, она стоитъ дирекціи 60 тысячъ—сумма колоссальная, особенно для тѣхъ, кто долженъ каждый день справляться, почему, собственно, фунтъ мяса на базарѣ...

Эффекты свѣтовой техники и тонкій вкусъ режиссера безпримѣрны.

Гордое, могучее электричество, сокрушающее столѣтніе дубы, прямо—воскъ въ рукахъ Станиславскаго.

Достаточно назвать первую сцену, гдѣ незатѣйливое, грубое жилище дровосѣка въ одинъ мигъ, на глазахъ публики, превращается въ фантастическую картину огней, самоцвѣтныхъ камней. Такіе предметы, какъ вода, квашня, молоко, сахаръ, размѣщенные въ хижинѣ, какъ бы по мановенію кудесника, принимаютъ челоѣчскій видъ—въ одѣяніи и чертахъ лица, согласныхъ съ нѣболѣе характерными признаками этихъ вещей. Удивительна по своей непосредственности декорація «страны воспоминаній» и чарующая декорація «царства будущаго», тонушая вся въ золотыхъ, голубыхъ лучахъ.

Но при всемъ огромномъ чутѣ режиссера фееричность, какъ необходимое слѣдствіе свѣтовой техники, все же не имѣла выступать на первый планъ

и заставляла играть почтенныхъ артистовъ почти служебную роль. По истинѣ, большое спасибо за такое самоотверженіе. Они сдѣлали все, что было въ ихъ распоряженіи.

Очень чуткаго, славнаго мальчика даетъ г-жа Халютина, почти ни въ чемъ не выходящая изъ рамокъ художественной мѣры, но предпочтительнѣе все же въ такой роли увидѣть дѣйствительнаго мальчика, тогда не нужно было-бы насиловать интонаціи, поддѣлываясь подъ ребенка. Для дирекціи Художественнаго театра это возможно, и чѣмъ мальчикъ оказался бы неопытнѣе, тѣмъ было бы лучше для впечатлѣнія.

Очень сожалѣю, что не помню фамиліи исполнительницы одной изъ «нерожденныхъ» душъ. Она такъ произнесла фразу—«что значитъ плакать», что это до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ, какъ мучительно-страстная, полная безсознательной тоски попытка проникнуть за грань мірозданія и узнать тамъ, что такое слезы и почему люди на землѣ плачутъ.

Исполнительница эта необыкновенно пластична, съ рѣдкой одухотворенностью почти въ классическихъ чертахъ лица.

Кто знаетъ, можетъ быть, это одна уже изъ «запоздавшихъ» душъ на нашей бѣдной, завистливой землѣ...

Если мы прежде не умѣли цѣнить по достоинству яркую индивидуальность на сценѣ, то сейчасъ и поздно...

Во всякомъ случаѣ, «Синяя птица» Метерлинка очень интересное зрѣлище для состоятельнаго класса и вѣроятно, выдержитъ множество представлений, и дѣти богачей получатъ отъ нея несомнѣнное наслажденіе. Тѣмъ-же изъ малютокъ, которымъ бессмысленно-жестокая судьба судила родиться и жить въ сырыхъ подвалахъ,—тѣмъ не нужна эта «Синяя птица», и ихъ фантазія, незакормленная «пирожными», въ сущности, сердечнѣе, богаче, проще и глубже фантазіи Метерлинка.

Н. Россовъ.

Парижскія письма.

Не смотря на 25-ти градусную жару, на яркое солнце, на зеленые деревья, не желающія еще расстаться со своими листьями, на соломенные шляпки и лѣтніе туалеты, въ которыхъ щеголяютъ дамы, парижскій театральнй сезонъ въ полномъ разгарѣ.

Первымъ изъ большихъ театровъ открылъ свой сезонъ театръ Renaissance, принадлежащій теперь знаменитому Гитри, бывшему когда-то украшеніемъ нашего Михайловскаго театра. Для открытія Гитри поставилъ новую пьесу П. Бурже «L'Emigré», передѣланную Бурже изъ его послѣдняго романа. Знаменитый романистъ выступилъ на драматическое поприще очень поздно; и его первая пьеса «Un Divorce» была поставлена только въ прошломъ году въ театрѣ Водевиль. «Разводъ» имѣлъ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Затронутый въ пьесѣ, очень жгучій во Франціи вопросъ о разводѣ, разработанъ превосходно, и притомъ «Un Divorce» отнюдь не пьеса à thèse, а глубокая психологическая драма. Понятно, что новой пьесы Бурже ждали съ нетерпѣніемъ. Но ожиданія были обмануты. Пьеса «L'Emigré» оказалась скучной, плохо построенной мелодрамой. Въ «L'Emigré» имѣется только одна

АЛЕКСАНДРИНСКІИ ТЕАТРЪ.

„У царскихъ вратъ“.

Первень—г. Ходотовъ. Рис. М. Слѣпая.

интересная фигура стараго маркиза Клавье-Граншанъ; остальные дѣйствующія лица—это какія-то маріонетки. Въ первоначальномъ видѣ пьеса содержала еще одно дѣйствіе—внутренность церкви; въ этомъ дѣйствіи, по словамъ лицъ, видѣвшихъ репетиціи, было много движенія и жизни. Это дѣйствіе было окончательно выкинуто авторомъ, а съ нимъ были выкинуты изъ пьесы и движеніе, и жизнь. Только гениальная игра Гитри спасла пьесу отъ провала. Эта роль несомнѣнно лучшая въ репертуарѣ Гитри, котораго, послѣ 3-го дѣйствія, вызывали около 15-ти разъ.

По знаменитому «Московскому декрету», которымъ управляется Comedie-Française, она обязана каждый годъ ставить, по крайней мѣрѣ, двѣ новыя пьесы въ стихахъ. Но поэтовъ, въ особенности пишущихъ для театра, теперь во Франціи очень мало: Ростанъ, Жанъ и Жакъ Ришпены, Катюль Мендесъ, Фр. де-Круассэ, Марсолло, Фошуа, Ривуаръ и... обчелся. Вѣроятно, этой бѣдностью поэтовъ и объясняется появленіе на сценѣ «Комедии» поставленной на-дняхъ пьесы Ривуара «Le Roi Dagobert». Ривуаръ—поэтъ очень талантливый. Его одна-актная пьеса, поставленная въ прошломъ году въ

Comédie Française «Il était une bergère»—въ своемъ родѣ шедевръ. Но далеко нельзя сказать того же о его новой пьесѣ «Король Дагоберъ». «Дагоберъ» Ривуара не имѣетъ ничего общаго съ легендарнымъ героемъ «Gesta regis Dagoberti». Его Дагоберъ—юный король, поэтъ, вѣчно влюбленный, котораго женятъ, по политическимъ соображеніямъ, на прекрасной принцессѣ Гидельсвинтѣ. Последняя не любитъ Дагобера и чтобы избѣжать слишкомъ интимныхъ отношеній со своимъ супругомъ, каждую ночь подсылаетъ ему замѣстительницу—рабыню Нантильду. Нантильда охотно принимаетъ на себя эту пріятную обязанность, такъ какъ она тайно любитъ Дагобера. Она съ такимъ успѣхомъ замѣняетъ законную супругу, что последняя начинаетъ ревновать. Дагоберъ открываетъ правду, отвергаетъ Гидельсвинту и женится на рабынѣ Нантильдѣ. Таковъ сюжетъ этой пьесы, которая могла бы послужить прекраснымъ либретто для оперетки. Для исполненія ея нужны были-бы актеры легкаго жанра труппы Варьете. И тамъ «Le Roi Dagobert» могъ-бы имѣть очень большой успѣхъ. Но артисты Comédie-Française оказались совершенно неподходящими для исполненія этой пьесы.

Въ нашей предыдущей корреспонденціи мы говорили объ увеличивающемся съ каждымъ годомъ влияніи иностраннаго репертуара. Въ театрѣ «Des Arts» готовить къ постановкѣ «Пробужденіе весны» Ведекинда. «Водевиль» открылъ свой сезонъ пьесой Пинеро «His House in Order». Наконецъ, первой новинкой Одеона явилась пьеса Зудермана «Среди камней» (Parmi les Pierres). Пьеса эта хорошо извѣстна въ Россіи; а потому мы не будемъ передавать ея содержанія. Въ Германіи на разныхъ сценахъ она выдержала болѣе 2000 представлений. Въ Парижѣ она прошла безо всякаго успѣха. Постановка отличалась, какъ все, что дѣлаетъ Антуанъ, необычайной роскошью. Декорация 2-го и 3-го дѣйствія (Каменоломня) это верхъ совершенства. Розыграна была пьеса превосходно лучшими силами труппы Одеона. Но на публику Одеона розовый социализмъ Зудермана произвелъ слабое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что переводчики почему-то измѣнили конецъ пьесы: у Зудермана камень своимъ паденіемъ убиваетъ Биглера; по версіи Одеона, Лора знаетъ о заговорѣ, во-время предупреждаетъ Биглера, спасаетъ его отъ смерти, и, повидимому, какъ говорятъ французы, «ils se marieront et auront beaucoup d'enfants». Этотъ утѣшительный конецъ изъ трагедіи превращаетъ пьесу Зудермана въ обычную мелодраму.

Мелодраматическій характеръ имѣетъ и новая пьеса Бернштейна «Израэль», поставленная въ театрѣ Режанъ. Постановкѣ этой пьесы предшествовала колоссальная реклама, на которую Бернштейнъ великій мастеръ. Чуть-ли не съ годъ тому назадъ начали появляться въ газетахъ замѣтки, что Бернштейнъ пишетъ для Режанъ пьесу «Израэль»; что онъ читалъ Режанъ 1-й актъ; что въ пьесѣ только одна женская роль; что пьеса эта будетъ имѣть колоссальный успѣхъ; что когда авторъ читалъ пьесу актерамъ, то они всѣ рыдали и т. п. Всѣ эти искусно составленныя, и во-время лансированныя замѣтки оказали свое дѣйствіе; и еще за нѣсколько дней до генеральной репетиціи были разобраны билеты на первые десять спектаклей. Всѣ ожидали чего-то необыкновеннаго. Въ нѣсколько лѣтъ Бернштейнъ сдѣлался моднымъ драматургомъ. Уже первая его пьеса «Le Marche», поставленная у Антуана, сразу показала въ немъ выдающійся талантъ. Во второй его пьесѣ «Le Détour» дебютировала въ первый разъ въ Парижѣ молодая артистка г-жа Симонъ Ле-

Баржи—жена и ученица знаменитаго актера Comédie Française. Какъ пьеса, такъ и дебютантка имѣли огромный успѣхъ; и Бернштейнъ и г-жа Ле-Баржи сразу дѣлались парижскими знаменитостями. Затѣмъ слѣдовали одинъ триумфъ за другимъ: La Griffie, La Rafale, Le Voleur, Samson; и, наконецъ, «Израэль». Секретъ успѣха Бернштейна лежитъ въ его искусствѣ создавать драматическія положенія. Въ этомъ отношеніи Бернштейнъ можетъ поспорить съ Сарду. Бернштейнъ, какъ правильно замѣтилъ одинъ критикъ, не только «homme de théâtre», но и... «homme des coups de théâtre». Его діалогъ очень быстръ, рѣзокъ, все время онъ держитъ зрителя въ напряженіи. У него, несомнѣнно, большой драматическій темпераментъ. Его недостатокъ тотъ, что онъ изображаетъ однихъ только нсгодяевъ «les tuffles». Герои Бернштейна—это или продувшіеся игроки, растратившіе чужія деньги; или кокетки, нечаянно попавшія въ буржуазную среду; или торгующіе своимъ положеніемъ и влияніемъ политическіе дѣятели; или женщины, ворующія деньги, чтобы на нихъ наряжаться и т. п. По понятіямъ Бернштейна, весь міръ состоитъ изъ развратниковъ, воровъ и картежниковъ. Бернштейнъ создалъ то, что французы окрестили именемъ «le théâtre du muffle». Огромному успѣху пьесъ Бернштейна способствовало также его необыкновенное искусство создавать атмосферу успѣха. Единственный сынъ очень богатой матери, вышедшей вторично замужъ за американскаго милліардера Зелигмана, Бернштейнъ не жалѣетъ денегъ на рекламу. На генеральную репетицію и первое представленіе онъ раздаетъ мѣста только своимъ друзьямъ, «онъ дѣлаетъ, какъ говорятъ французы, свою залу». И несмотря на всю шумиху, поднятую вокругъ «Израэля», не смотря на то, что весь театръ сверху до низу былъ наполненъ исключительно друзьями Бернштейна, пьеса торжественно провалилась на генеральной репетиціи. Мы находимся въ антисемитическомъ клубѣ «le Royale»; изъ разговоровъ между членами клуба мы узнаемъ, что въ ихъ средѣ находится милліонеръ-еврей Готлибъ, дающій много денегъ на антиклерикальную пропаганду. Молодой герцогъ де-Круси, поддерживаемый антисемитами, рѣшаетъ предложить Готлибу подать немедленно въ отставку. Если же онъ не захочетъ подать добровольно, то онъ нанесетъ ему оскорбленіе дѣйствіемъ, и заставитъ его драться на дуэли. Молодой де-Круси—одинъ изъ лучшихъ стрѣлковъ, и онъ убьетъ Готлиба. Напрасно дядя де-Круси—графъ Греженуа, проповѣдуетъ терпимость, слияніе расъ, чтобы защищаться отъ общаго врага—социализма, молодой Тибо де-Круси и его единомышленники неумолимы. Вотъ появляется Готлибъ—60-лѣтній старикъ. Онъ направляется къ выходу; но молодой де-Круси преграждаетъ ему дорогу; когда же Готлибъ отказывается подчиниться его требованію, и выйти изъ состава клуба, де-Круси ударомъ палки сбиваетъ съ его головы шляпу. Оскорбленіе нанесено при свидѣтеляхъ; дуэль неизбежна. Готлибъ поднимаетъ шляпу и медленно выходитъ. Таковъ первый актъ. Діалогъ между молодыми антисемитами—это наборъ общихъ фразъ изъ «Libre Parole». Зритель недоумѣваетъ: почему Готлибъ не отвѣтилъ на оскорбленіе? Почему ни съ того, ни съ сего этотъ юноша напалъ на 60-лѣтняго старика? И много другихъ «почему». Дѣйствіе второе у герцогини де-Круси—матери Тибо. Герцогиня провозглашаетъ своего исповѣдника-иезуита Сильвіана, который привелъ къ ней Готлиба. Изъ діалога между Готлибомъ и герцогиней мы узнаемъ, что Готлибъ отецъ Тибо; что эта «святая» женщина, герцогиня де-Круси, обманывала своего мужа съ евреемъ Гот-

либомъ. Герцогиня проситъ Готлиба устроить такъ, чтобы дуэль не состоялась; но Готлибъ говоритъ, что онъ не можетъ не отомстить за свою честь; что онъ долженъ отомстить за поруганную расу «il faut que le juif marche, et il marchera!» Вдругъ дверь открывается и входитъ Тибо; Готлибъ кланяется герцогинѣ и уходитъ. Тибо пораженъ, видя Готлиба у своей матери. Онъ начинастъ ее допра-

Мими Агулья Ферро.

(Къ гастролямъ Сицилианской труппы).

шивать; и мало-по-малу вырываетъ у нея сознание, что Готлибъ былъ ея любовникомъ; и что Тибо—его сынъ. Эта единственная драматическая сцена, вызвавшая аплодисменты публики; но аплодисменты относились больше къ Режанъ и Готье, превосходно игравшихъ эту сцену, чѣмъ къ самой сценѣ. Дѣйствіе третье—у Тибо. Іезуитъ Сильвианъ убѣждаетъ его поступить въ монахи. Подъ вліяніемъ раскрытія тайны своего происхожденія, Тибо хотѣлъ покончить съ собой; но Сильвианъ убѣждаетъ его поступить въ монастырь. Но является отецъ Тибо—Готлибъ—и въ дальнѣйшемъ разговорѣ доказываетъ ему, что онъ еврей душой и тѣломъ; что у него нѣтъ вѣры; и что онъ долженъ жить, и съ тѣмъ же жаромъ защищать евреевъ, съ какимъ онъ на нихъ нападалъ. Тибо сознается, что у него нѣтъ вѣры; и не видя другого исхода, отравляется.

Такова пьеса, три дѣйствія которой длятся три часа. Третье дѣйствіе—это сплошная конференція, сначала іезуита въ защиту католицизма и религии; затѣмъ Готлиба—въ защиту евреевъ. Кромѣ Режанъ, имѣющей въ пьесѣ одну только сцену, и проведшую ее съ большимъ мастерствомъ; и Готье, съ большимъ жаромъ игравшаго роль Тибо,—остальные артисты были очень слабы. Правда, плохая акустика театра Режанъ мѣшала слушать даже и это.

Наиболѣе удачной среди всѣхъ новинокъ является постановка въ театрѣ «Водевиль» знаменитой пьесы Пинеро «Его домъ въ порядкѣ» (La Maison en Ordre). Поставленная два года тому назадъ въ Лондонѣ въ Сентъ-Джемсѣ театрѣ, пьеса Пинеро имѣла колоссальный успѣхъ. Она выдержала 620 рядовыхъ представлений и столько же въ Нью-Йоркѣ. Большой успѣхъ она имѣла также въ Италіи, гдѣ главную роль играла Ирма Грамматика. Пьеса Пинеро была поставлена въ прошломъ году въ Маломъ театрѣ въ Москвѣ, но по болѣзни г-жи Лешковской, послѣ пятого представленія, была снята со сцены. Въ «Водевиль» пьеса Пинеро имѣла большой успѣхъ, чему много

способствовала изумительная игра актеровъ. Главную роль играла знаменитая актриса Марта Ренье (Marthe Régnier). Но до сихъ поръ М. Ренье играла роли «ingénue»; и въ этой отрасли она не знала соперницъ. Въ пьесѣ Пинеро она въ первый разъ выступила въ сильной драматической роли—и театръ ахнулъ; подобныхъ рукоплесканій, подобныхъ овацій Парижъ уже давно не видѣлъ. Газеты, давая отчетъ о первомъ представленіи пьесы Пинеро, ставили М. Ренье наравнѣ съ Дузэ; и какъ писалъ одинъ восторженный критикъ: «въ этотъ день (1-го октября) новое крупное свѣтило возшло на горизонтъ французской сцены». В. Л. Бинштокъ.

Изъ театральхъ воспоминаній.

Островскій.—Садовскій.

Фойе петербургскаго Малаго театра до суверинскаго періода. Общее собраніе членовъ Общества драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Предсѣдательствуетъ пріѣхавшій изъ Москвы Островскій...

Это было уже тогда, когда, по словамъ самого Островскаго, «жизнь» его кончилась и началось

Т. Майорона и Джіовани Грассо въ „Сельской чести“.

(Къ гастролямъ Сицилианской труппы).

«житіе»,—вскорѣ послѣ назначенія его управляющимъ труппой московскаго Малаго театра и незадолго до смерти.

Засѣданіе тянется обычнымъ порядкомъ, «по повѣсткѣ», но въ настроеніи собранія чувствуется необычная сдержанность, словно изъ рукъ въ руки переходитъ что-то такое, къ чему надо прикасаться опасно и бережно. Читается докладъ комитета.

ДРАМАТИЧЕСКІИ ТЕАТРЪ.

„У вратъ царства“.

Бондezenъ—г. Аркадьевъ, Рис. А. Любимова.

— Грибоѣдовская премія,—тихо звучитъ жирноватый старческий голосъ,—присуждена мнѣ за пьесу «Не отъ міра сего»...

Неловкая пауза. Не по себѣ всѣмъ намъ, не по себѣ и предсѣдателю.

Съ тѣхъ поръ, какъ учредилась грибоѣдовская премія, она неизмѣнно, изъ года въ годъ, присуждалась Островскому. При отсутствіи конкурса (премія присуждается за лучшую пьесу сезоннаго репертуара) могло ли быть иначе? Даже въ слабѣйшихъ своихъ вещахъ Островскій все-таки оставался Островскимъ—величиной несоизмѣримой. Но почему-то было больно слышать это сообщеніе отъ него самого: словно онъ въ чемъ-то передъ нами извинялся...

По окончаніи засѣданія я вышелъ изъ фойе вмѣстѣ съ однимъ изъ здравствующихъ понинѣ коллегъ. Смотришь: Островскій, осторожно ступая сначала одной ногой, а потомъ другой, и придерживаясь рукой за стѣну, спускается съ лѣстницы, не имѣвшей тогда ни периль, ни поручней. Мы обогнули его.

— Вѣдь вотъ!—заговорилъ коллега, когда ужъ мы одѣвались внизу:—вотъ наша трусость російская! Было бы это не въ Петербургѣ, а въ Парижѣ, и былъ бы это не Островскій, а кто-нибудь изъ тамошнихъ «мэтровъ»,—сейчасъ бы мы съ вами этого «мэтра» подъ ручки и свели бы съ лѣстницы въ лучшее видѣ. А тутъ—какъ можно! Подхалимство! Холопство!

Сгоряча мнѣ показалось, что и вправду мы обнаружили постыдную трусость. Но, пораздумавъ, я рѣшилъ, что коллега не правъ. Суть-то заключалась не въ томъ, что Островскій—большой драматургъ, мы же всѣ—маленькіе, а въ томъ, что Островскій—властный управляющій казенной труппой, мы же всѣ—алчущіе авторы. Картина выходила иная.

Островскій «роди» Садовскаго. А можетъ быть, наоборотъ, Садовскій «роди» Островскаго. Скорѣе же всего, я думаю, одинъ «роди» другого, взаимно. Отсюда и ихъ тѣсная, крѣпкая дружба, не разъ, впрочемъ, подвергавшаяся болѣе или менѣе серьезнымъ испытаніямъ. Одно изъ таковыхъ приключилось еще въ то время, когда и Островскій и Садовскій, вкупѣ со всей своей компаніей, придерживались «русской старины», соблюдая ее, между прочимъ, и въ одеждѣ.

Понадобилось Островскому съѣздить въ Петербургъ. Съѣздилъ и явился съ Садовскому, по-петербургски пріодѣтый и приглаженный. Тотъ вышелъ, по обыкновенію, въ халатѣ, съ табакеркой. Вышелъ—и остановился, какъ бы увидавъ передъ собой незнакомца.

— Съ кѣмъ имѣю честь?

Медленная понюшка—и безстрастно-вопросительный взглядъ.

— Не узналъ, что ль?

— Чѣмъ могу служить?

— Ну, ладно ужъ!

— Чему обязанъ?

— Да полно тебѣ, Провъ!

Но Провъ остается неуязвимъ и продолжаетъ тѣмъ же манеромъ изводить Островскаго. Такъ и разстались: одинъ въ одну дверь, другой въ другую.

В. Лихачовъ.

По провѣщѣи.

Бану. Долго анонсировавшаяся „первый разъ въ Баку стилизованная г. Яновымъ постановка „Жизни Человѣка“ состоялась. Въ „Каспи“ читаемъ:

„Режиссеръ показалъ себя вдумчивымъ и тонкимъ артистомъ. Съ ничтожными средствами, имѣвшимися въ его распоряженіи, онъ сдѣлалъ все, что только было возможно — и даже чуточку больше (?!). Настроеніе, дѣйствительно, получилось цѣльное и полное“.

Вотъ и вся рецензія о постановкѣ.

Такъ таки и остается невыясненнымъ, что газета хотѣла сказать, этимъ „чуточку больше“.

— Конкуренція. Кромѣ драм. труппы г. Кручинина здѣсь играетъ еще украинская труппа г. Суходольскаго. Успѣхъ „Дурака“ у г. Кручинина надоумилъ г. Суходольскаго одновременно у себя ставить „Пошилихъ у дурні“.

Воронежъ. Намъ телеграфируютъ: „Опера г. Филиппова въ новомъ театрѣ Попова потерпѣла крахъ. Артисты остались въ тяжеломъ положеніи. Служащіе и оркестръ пристроились въ дѣлѣ В. И. Никулина“.

Дѣла въ театрѣ Нар. Дома (труппа, организованная союзомъ сценич. дѣятелей) очень неважны. Сборы слабые, труппа

„У вратъ царства“.

Графъ Тиллингъ—г. Нелидовъ. Рис. А. Любимова.

герпить убытки. В. И. Никулинъ въ гор. театрѣ дѣлаетъ на кругъ свыше 400 руб.

Кромечугъ. Аудитория сдана антрепренеру зимняго театра Я. Лихтеру, который будетъ тамъ ставить спектакли 3 раза въ недѣлю.

Одесса. Назначенное къ слушанію въ окружномъ судѣ дѣло о взысканіи артисткой Н. М. Алинской съ антрепренера М. Ф. Вагрова 1200 руб. жалованья за весь сезонъ отложено для вызова новыхъ свидѣтелей.

— Скончался художникъ-декораторъ А. Н. Беклемішевъ (Реджіо), поступившій въ одесскій городской театръ при антрепризѣ Сѣтова, и оставшійся тамъ до 1905 годъ, исполняя обязанности главнаго декоратора. Уже будучи 85-лѣтнимъ старцемъ, онъ бросилъ сцену, поселился у своего сына въ Кривомъ-Рогѣ, гдѣ оставался до самой кончины.

— Режиссеромъ гор. театра, на мѣсто скончавшагося г. Тихомирова, приглашенъ г. Ждановъ.

Рига. Объявленъ рядъ спектаклей бр. Адельгеймъ.

Ростовъ-на-Дону. 7 октября вечеромъ, неожиданно прекратила свою дѣятельность опереточная труппа С. И. Крылова. Только при входѣ въ театръ вечеромъ нѣсколько десятковъ наиболѣе усердныхъ оперетомановъ узнали, что очередной спектакль, „Лизистрата“, не состоится. Тотчасъ же по городу распространилась вѣсть о крахѣ оперетты. „Южн. Курьеръ“ говорить, что краха въ полномъ смыслѣ этого слова нѣтъ. Въ послѣднее время сборы въ машинкинскомъ театрѣ падали изо дня въ день. Г. Крыловъ еще на-дняхъ говорилъ, что въ виду этого онъ предполагаетъ закончить гастроль въ Ростовѣ приблизительно къ 10 октября, но, очевидно, сборы упали настолько, что свое рѣшеніе г. Крыловъ рѣшилъ осуществить 7 октября. По словамъ нѣкоторыхъ артистовъ труппы, оперетта дастъ нѣсколько спектаклей въ Новочеркасскѣ, а затѣмъ перенесетъ свою дѣятельность въ Таганрогъ. Денежныя обязательства антрепризы выполнены, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи нѣкоторыхъ премьеровъ труппы. На слѣдующій день газета дополнительно сообщила, что причиной прекращенія спектаклей были не одни только плохіе сборы, но и невозможность исполнить требованіе администраціи о лучшемъ отопленіи театра.

Самара. Драматическая инженеръ О. Н. Арсеньева прибыла сюда въ началѣ сезона, участвовала въ репетиціяхъ и должна была выйти въ „Строителяхъ жизни“, но заболѣла настолько серьезно, что слегла. Затѣмъ она оправилась, но вскорѣ снова захворала, такъ что артисткѣ пришлось отказать отъ службы. Дирекція отнеслась къ г-жѣ Арсеньевой съ большимъ вниманіемъ, и контрактъ былъ уничтоженъ безъ всякихъ послѣдствій, съ обоюднаго согласія. Г-жа Арсеньева выѣхала въ Харьковъ, а оттуда отправляется на южный берегъ Крыма. Жаль, что болѣзнь лишила самарскую публику возможности познакомиться съ этой молодой талантливой артисткой.

Саратовъ. 21 октября рѣшится вопросъ о судьбѣ город. театра. Какъ мы уже сообщали, до послѣдняго времени заявленія о желаніи снятъ гор. театръ поступили лишь отъ Союза сценич. дѣятелей и Театр. Общ. Теперь объявился еще одинъ претендентъ—директоръ мѣстной епархіальной школы регентовъ, и устроитель симфоническихъ концертовъ, д-ръ Горѣловъ. Онъ желаетъ снятъ на три года городской театръ для постановки исключительно оперныхъ спектаклей. Симпатіи театральнаго комитета склоняются на сторону г. Горѣлова. „Сар. Лист.“ предупреждаетъ гор. думу отъ опростетчиваго, на взглядъ газеты, шага—сдавать театръ исключительно подлѣ оперу.

„Помимо того, что изгнаніе изъ театра драмы и комедій шло-бы совершенно вразрѣзъ съ идей, цѣлью и традиціями городского театра,—говоритъ газета,—водвореніе въ немъ исключительно оперы было бы и по практическимъ соображеніямъ неудобно и нецѣлесообразно. Опера — „фруктъ“ дорогой, а нашъ городской театръ малопомѣстителенъ и даетъ поэтому недостаточные сборы, на которые невозможно содержать сколько-нибудь порядочную оперную труппу.

Извѣстно, что всѣ наши оперные антрепренеры до сихъ поръ покрывали свои недочеты и убытки, которые они обычно несутъ въ Саратовѣ, въ Казани, гдѣ и театръ городской большаго нашего, и посѣщаемое его несравненно выше (за 100 т. р. въ сезонъ)“.

Театральный комитетъ, разсмотрѣвъ въ послѣднемъ своемъ засѣданіи заявленіе Горѣлова и общества сценическихъ дѣятелей (союза сценич. дѣятелей или Театр. Общ.), постановилъ пригласить на 21 октября въ свое засѣданіе делегата отъ сценическаго общества (?) и, въ связи съ его условіями, окончательно рѣшить вопросъ, кому сдать театръ.

— Сборы, какъ и слѣдовало ожидать, во всѣхъ трехъ драматическихъ театрахъ слабые. Въ труппѣ театра Очкина уже начались нелады. Изъ товарищества П. Скуратова вышли: Т. М. Максимова, Л. А. Алябьева, А. А. Борисова, Ив. Неѣдомовъ, Дм. Ив. Кочетковъ, Яковъ Рославскій. Въ письмѣ въ редакцію они заявляютъ, что „мотивы ухода изъ т—ва болѣе сложны и глубоки, чѣмъ недоборъ на марки“.

Таганрогъ. Малороссійская труппа г. Прохоровича закончила спектакли 12 октября.

Тифлисъ. 12 октября открылся новый авлабарскій театръ. Новый театръ разсчитанъ на 600 мѣстъ, имѣетъ 2 яруса ложъ. Дирекція обѣщаетъ давать спектакли на арм., тат., груз. и рус. языкахъ.

— Въ составъ оперной труппы вступила г-жа Ардтъ, молодая артистка на партіи меццо-сопрано.

Харьковъ. Намъ пишутъ: Сюда пріѣзжалъ В. А. Рышковъ, приглашенный присутствовать на первомъ представленіи своей новой пьесы „Казенная квартира“, сыгранной въ городскомъ театрѣ уже два раза—9 и 11 октября. Пьеса имѣла шумный успѣхъ, и талантливый авторъ удостоился горячаго пріема, на какой только способны мы, южане. Труппа вмѣстѣ съ публикой выражала г. Рышкову свои восторги при постановкѣ „Казенной квартиры“ и возобновленной ради пріѣзда „Волны“. Въ новой пьесѣ очень хорошо играли г-жи Жихарева (Таня) и Янушева (Лидія), гг. Соколовскій (генераль), Бартеневъ (кадетъ) и Орскій (юнкеръ). Эти лица выдѣлялись своимъ исполненіемъ и имѣли успѣхъ. Въ „Волнѣ“ очень хорошо, хотя и карикатуритъ замѣтно, г. Мурскій. Талантливый Бороздинъ, къ сожалѣнію, не играетъ ни въ одной изъ этихъ пьесъ. Пріѣздъ г. Рышкова сильно поднялъ интересъ публики къ драмѣ. „Казенная квартира“ сдѣлала пока два сбора, но и при повтореніи она пойдетъ успѣшно и съ этой стороны. Отъ труппы г. Рышкова поднесенъ былъ адресъ, прочитанный на сценѣ. Все это было очень тепло и искренно и публика участвовала вмѣстѣ съ артистами въ чествованіи автора, популярности котораго сильно растеть.

Царицынъ н-В. Намъ пишутъ: „Актѣръ Ванченко, играя въ опереткѣ „Прекрасная Елена“ Калхаса, указывая Парису на выходящихъ изъ храма Юпитера женщинъ, назвалъ одну горничную здѣшняго представителя власти, за что получилъ внушеніе съ предупрежденіемъ, что если повторитъ, то будетъ наказанъ согласно постановленію объ усиленной охранѣ и оштрафованъ въ 300 р.

Харьковскія письма.

Нашъ театральнй сезонъ начался при необычныхъ условіяхъ: вмѣсто предполагавшихся четырехъ театровъ открылся только одинъ—драматическій (труппа А. Н. Соколовскаго), Малый театръ запоздалъ на недѣлю, такъ какъ малорусская труппа Т. П. Колесниченко прибыла позже условленнаго, театръ Гришке предпочелъ циркъ бр. Никитиныхъ обѣщанной ему г. Соколовскимъ драмѣ, а оперный театръ началъ свою дѣятельность только съ 1 октября, — двѣ недѣли антрепренеры оперы гг. Бородай и Харюковъ потратили на урегулированіе своихъ счетовъ, при чемъ труппа совершенно бездѣйствовала недѣлю, а другую кое-какъ что-то репетировала...

Фактъ появленія у насъ громадной оперной труппы безъ „хозяина“—безпримѣренъ. Бывало всякое, но чтобъ въ началѣ сезона люди сидѣли и не знали, что имъ дѣлать и будутъ ли они сыты завтра,—этого еще не бывало даже у насъ,—подчеркиваю у насъ потому, что въ послѣдніе годы и опера и драма (исключая сезонъ Максаква и Соколовскаго) испытывали много превратностей. Сезоны Линтварева и Карамзиной-Жуковской живы въ нашей памяти... Трудно было себѣ представить, чтобъ дѣло г. Бородая рухнуло еще до начала,—крушеніе было неизбежно, но позднѣе, ибо немѣрно высокая аренда за театръ и несуразно составленный бюджетъ заранѣе обрекали дѣло на дефицитъ, покрыть который не чѣмъ было. Это не составляло секрета.

Инцидентъ съ нашимъ опернымъ театромъ очень назидателенъ. Конечно, „примѣръ никому не наука“, въ особенности въ театральномъ предпринимательствѣ, но все же какую-нибудь мораль все-же необходимо извлечь изъ этого возмутительнаго происшествія.

Гг. Бородай и Харюковъ вели дѣло безъ всякаго договора и кто они были въ своихъ взаимоотношеніяхъ, такъ и остается неизвѣстнымъ; но одно несомнѣнно—это затрата многихъ десятковъ тысячъ рублей вторымъ на покрытіе дефицитовъ перваго, за что, въ концѣ концовъ, пришлось отдать ему театральное имущество, довольно значительное. Сдѣлавшись неожиданно для себя собственникомъ большаго имущества, г. Харюковъ по необходимости долженъ былъ заняться антрепризой, тѣмъ болѣе, что снялъ театръ больше полугода тому назадъ и вошелъ въ новыя обязательства. Спасаясь отъ неизбежнаго, какъ отмѣчено выше, краха, г. Харюковъ долженъ былъ эмансипировать себя отъ г. Бородая, который въ дѣло

могъ внести только свой трудъ. Участіе въ фирмѣ предпріятія г. Борода грозило ей различными взысканіями и дѣло могло быть подрѣзано въ самомъ началѣ. Послѣ долгихъ споровъ и борьбы, при участіи самой труппы, были выяснены взаимоотношенія гг. Борода и Харюкова. Оказалось, что г. Бородай имѣетъ контрактъ съ клубомъ на наемъ театра, но не въ состояніи сдѣлать очередной платежъ въ 2 т. р., имѣетъ обязательства съ хоромъ и артистами, но долженъ выдать имъ авансы, не говоря о долгахъ нѣкоторымъ изъ нихъ за предыдущую службу въ разныхъ городахъ. Г. Харюковъ имѣетъ совмѣстный договоръ съ г. Бородаемъ на клубъ и имѣетъ театральное имущество, раньше принадлежавшее г. Бородаю. Г. Харюковъ соглашался взять дѣло всецѣло на себя и вести его единолично. Г. Бородай отрекся отъ престола и подписалъ всѣ акты отреченія, за что г. Харюковъ, между прочимъ, принялъ на себя еще залогомъ больше чѣмъ на 3000 р., израсходованные г. Бородаемъ на екатеринодарское дѣло...

Для г. Харюкова, произведшаго на меня самое хорошее впечатлѣніе, легла тяжесть вести дѣло съ затратами до поднѣтя занавѣса въ *десять тысячъ* руб. Если прибавить къ залогамъ жалованье хору, оркестру и балету за двѣ недѣли, потерю аренды театра за полмѣсяца изъ суммы 21.000 руб. обязательной платы (къ этому въ сезонѣ надо прибавить еще плату по счетчику за освѣщеніе—тысячъ шесть-семь за сезонъ), то выходитъ, что сумма эта далеко не преувеличена.

Но, кромѣ этихъ тяготъ, есть еще и другія, взятые на себя г. Харюковымъ: по своей привычкѣ разбрасываться, г. Бородай набралъ въ труппу много лишняго народа, который для дѣла является балластомъ и обременяетъ бюджетъ непосильно. Повѣрить ли кто изъ театралныхъ дѣятелей, что г. Бородай организовалъ теперешнее харьковское дѣло на 33.000 р. въ мѣсяцъ?! И это тоже легло на плечи г. Харюкова, который, конечно, могъ взять на себя такую цифру только по неопытности и крайней своей довѣрчивости. Масштабъ максаконскаго дѣла съ 154.000 р. сборовъ исключительный. Среднее харьковское дѣло 125 т. р. при пятимѣсячномъ оперномъ сезонѣ... Г. Бородай плакался на поступокъ съ нимъ г. Харюкова и части труппы, но я думаю, что онъ успѣлъ наивыгоднѣйшимъ для себя образомъ уйти во-время изъ дѣла, которое довести до конца будетъ крайне трудно безъ новыхъ приплатъ со стороны г. Харюкова, заслуживающаго, вообще сказать, полного сочувствія и поддержки... Такова закулисная сторона теперешней харьковской антрепризы.

Обращаясь къ художественной сторонѣ новой антрепризы надо признать, что опера у насъ много лучше, чѣмъ можно было ожидать.

Собственно въ дѣлѣ есть одинъ дефектъ — это оркестръ, состоящій наполовину изъ слабыхъ музыкантовъ, которымъ нельзя сидѣть за пюльтами въ оперѣ. Можно быть рутиннымъ музыкантомъ, вполне пригоднымъ для легкихъ оркестровъ, свадебныхъ или садовыхъ, но не симфоническихъ, не оперныхъ. „Союзъ музыкантовъ“, образовавшійся здѣсь года два тому назадъ, взялъ на себя подрядъ по поставкѣ оркестра г. Харюкову и далъ такой комплектъ, который ниже установленнаго горизонта по своей качественной высотѣ, но деньги берутъ хорошія... На „союзъ“ этотъ я не могу не обратить вниманія, и я думаю, что дѣятельность его нуждается въ серьезномъ разслѣдованіи со стороны печати. Учрежденный для защиты интересовъ тружениковъ-музыкантовъ, людей маленькихъ, нуждающихся, эксплуатируемыхъ обыкновенно всякими „составителями“ оркестра и т. д., „Союзъ“ казался такимъ симпатичнымъ, прогрессивнымъ предпріятіемъ, преслѣдующимъ цѣли, которыя могутъ только вызвать къ себѣ живѣйшее сочувствіе, — и что же? Знаете, чѣмъ этотъ „Союзъ“ сталъ? Самымъ свирѣпымъ агитаторомъ—антисемитомъ! Уже при формированіи оркестра г. Макасовымъ, къ губернатору Пѣшкову обращались члены „Союза“, указывая на возможный обходъ ихъ со стороны оперныхъ дирижеровъ, при чемъ беззастѣнчиво указывалось на то, что въ дѣлѣ—всѣ евреи и одинъ другой тянетъ за собою и т. д. и т. д. Пѣсенка извѣстная. Г. Макасову удалось оборотиться отъ навязанныхъ ему плохихъ, но правоспособныхъ музыкантовъ. Теперь дѣло повели уже совсѣмъ на-чисто. Заранѣе объявили „союзники“ гг. Бородаю и Харюкову, что евреямъ музыкантамъ не будетъ дано разрѣшенія—такое и не было дано... Если приѣзжаетъ сюда оперетка или малороссы, „Союзъ“ пишетъ прямо антрепризѣ съ предложеніемъ своихъ услугъ слѣдующее: „считаемъ необходимымъ увѣдомить васъ, что евреямъ музыкантамъ жительство не будетъ разрѣшено“. Сколько мукъ набрались гг. Рафальскій, Саксаганскій, Сабининъ, Суходольскій! Приѣзжаетъ труппа на мѣсяцъ или на двѣ недѣли, но оркестра съ собою привезти не смѣетъ, ибо онъ весь почти или хотя бы частью изъ евреевъ, а имъ, евреямъ-музыкантамъ, строжайше запрещено подѣзжать къ Харькову... Результаты на лицо: въ нашей оперѣ за первыми пюльтами сидятъ нѣсколько свадебныхъ музыкантовъ, которые мѣшаютъ въ сущности тѣмъ настоящимъ артистамъ, которые въ немъ есть... И въ этомъ „Союзѣ“ есть нѣсколько вполне легализованныхъ евреевъ, впрочемъ, въ размѣрѣ „процентной нормы“... Для меня лично одно является загадкой: почему предсѣдателемъ такого „Союза“

состоитъ такой артистъ, какъ К. К. Горскій, выдающійся музыкантъ и вполне культурный человѣкъ? Или же, быть можетъ, онъ не знаетъ объ этой дѣятельности „Союза“? Не иначе. Жаль, однако, что подъ главенствомъ такого дѣятеля русскіе музыканты являются въ такой некрасивой роли. Фактъ недопущенія евреевъ музыкантовъ, изъ неимѣющихъ права жительства, очень хорошо извѣстенъ въ городѣ всѣмъ, интересующимся опернымъ дѣломъ, которое несомнѣнно должно страдать отъ насилія оркестра нѣсколькими неумѣлыми музыкантами, защищающими оклады свои и положеніе, на которыя они не имѣютъ права. Никто ничего не могъ бы имѣть противъ „Союза“, если бы оперный оркестръ изъ его членовъ былъ организованъ по установленнымъ традиціямъ требованіямъ. Но этого нѣтъ. Ссылаюсь на многократныя указанія мѣстной печати.

— За всѣмъ тѣмъ опера у насъ безусловно выдается по качеству голосовъ, хорошему хору и прекраснымъ декораціямъ и костюмамъ. Слава въ этомъ отношеніи объ „имуществахъ“ г. Борода нисколько не кажется мнѣ преувеличенной.

Въ женскомъ персоналѣ обращаютъ на себя вниманіе артистки съ прекрасными голосами г-жи Окунева, Нѣгина, Эйхенвальдъ-Донская, Добржанская и Рыбчинская, опытная артистка—г-жи Милова и Карри, изящная и музыкальная пѣвица—г-жа Де-Рибасъ, затѣмъ еще г-жи Горина и Порѣцкая (для вторыхъ партій) и много еще молодежи съ отличными голосами. Среди мужчинъ завоевали симпатіи: гг. Долининъ, Зелинскій, Энгель-Кронъ, Цыгаевъ, Маратовъ, Арцимовичъ и Сумцовъ. Ансамбль вполне на высотѣ нашихъ требованій. Два капельмейстера—гг. Голинкинъ и Позенъ, какъ и два режиссера—гг. Бѣльскій и Дунаевскій—работаютъ очень успѣшно. Вся незадача дѣла г. Харюкова въ неимѣннй репертуара. Начали запѣтымъ „Евгеніемъ Онѣгинимъ“ и затѣмъ пошли топтаться на одномъ мѣстѣ—всѣ эти „Фаусты“, „Кармень“, „Демоны“ и снова тоже самое... Репертуаръ необходимо обновить. Въдъ г. Макасовъ поставилъ въ прошломъ сезонѣ больше 40 оперъ! Сборы въ оперѣ идутъ на кругъ 700 руб. съ небольшимъ. Это въ сущности недурно.

Драма, начавъ сезонъ 16 сентября „Плодами просвѣщенія“, работала въ теченіе двухъ недѣль безъ конкуренціи—и сборы были противъ прошлаго сезона болѣе чѣмъ вдвое. Съ открытіемъ оперы дѣла нѣсколько стали тише. Отъ исполненія „Плодовъ просвѣщенія“ публика не была въ особомъ восторгѣ. Это и можно было ожидать. На первомъ же спектаклѣ, можно сказать, опредѣлился перевѣсъ мужского состава надъ женскимъ, которому многого не достаетъ по сравненію съ прошлыми годами и въ качественномъ и въ количественномъ отношеніи... Я не имѣлъ возможности близко ознакомиться съ репертуаромъ послѣднихъ десяти дней и потому подожду съ своими отзывами о новыхъ персонажахъ нашей драматической труппы.

И. Ткаченко.

Проблѣмная лѣтопись.

ТИФЛИСЪ. Почти одновременно 18 и 20 сент. открылся сезонъ оперы и драмы. Новая труппа, новыя начинанія и съ перваго-же абцуга ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ публики. Еще въ оперѣ сборы такъ сякъ, а вотъ въ драмѣ, въ новой антрепризѣ г-жи Питовой-Бѣлецкой, на иныхъ спектакляхъ хоть шаромъ покати. Господа мѣстные рецензенты изъ кожи лѣзутъ вонъ, стараясь доискаться причины такого охлажденія публики къ театру, охлажденію, добавлю я, которое наблюдается ужъ не первый сезонъ. Къ глубокому прискорбію приходится констатировать, что Тифлисъ, когда-то стяжавшій извѣстность театральнаго города, теперь потерялъ всякій интересъ къ сценѣ, какъ таковой. Теперь Тифлису нужна сенсация, нужна реклама, нужно зрѣлище, нужна мода. И публика наша валомъ валитъ на представленіе „факировъ“ или чародѣя или мага Пинетти, переполняетъ синематографы, и очень мало интересуется открытіемъ драматическихъ спектаклей.

Капризны, своенравны и легкомысленны тифлисской врядъ-ли найдется публика. Она никогда ничѣмъ не довольна, и никогда не остается вѣрна своимъ кумирамъ дольше одного сезона. Я могу привести десятки примѣровъ, когда артисты, пользовавшіеся колоссальными успѣхами въ теченіи сезона, приѣзжали на слѣдующій, и играли при пустомъ театрѣ. То же самое можно сказать и о песняхъ.

Я не знаю, кто составлялъ труппу для антрепризы г-жи Питовой-Бѣлецкой. Знаю лишь, что труппа составлена далеко не удачно. Труппа обширная (32 чел.), она въ тоже время страдаетъ крупными недостатками. Мнѣ кажется самый существенный недостатокъ труппы—отсутствіе опытной руководящей руки, отсутствіе идейнаго режиссера, объединяющаго подъ своей властью „разрозненныхъ“ артистовъ.

Въ настоящемъ сезонѣ у насъ не одинъ режиссеръ, а цѣлыхъ четыре. Я ничуть не сомнѣваюсь въ ихъ добросовѣстности, любви къ дѣлу, даже педантичности въ дѣлѣ обстановки, которую проявляетъ, напр., г. Аяровъ. Но ни одному изъ трехъ выступившихъ до сихъ поръ режиссеровъ не хватаетъ творчества, художественнаго чутья и фантазій. И шаблонъ, старый заѣзженный, заплѣснѣвшій шаблонъ царитъ на сценѣ. Вся задача господъ режиссеровъ сводится, повидимому, къ создаванью фона, обстановки, пожалуй въ указаніи мѣстъ, и только. Въ смыслѣ же общаго тона пьесы, гг. режиссеры предоставляютъ артистовъ самимъ себѣ. Иногда сползутъ болѣе или менѣе удачно, иногда же получается довольно замѣтная разногласица.

Въ репертуарѣ замѣтно тяготѣніе къ старинѣ. Начали Островскимъ „Волки и овцы“. Для перваго выхода г-жи Кошевой вытащили изъ архива „Генеральшу Патрену“, потомъ появились архаическій „Старый закалъ“, „Чужіе“ Потапенки, сантиментально-тенденціозная „Вечерняя зоря“, успѣвшая въ достаточной степени набить оскомину въ прошлыхъ сезонахъ. Изъ новинокъ поставили „Ренессансъ“, „Самсонъ“, „2X2=5“, „Власть плоти“ и „Дуракъ“. Юбилей Льва Никол. Толстого справляли „Плодами просвѣщенія“.

Какъ я уже упомянулъ выше, спектакли пока идутъ крайне неровно. Къ числу наиболѣе удачныхъ я долженъ отнести постановку „2X2=5“ и „Дурака“. Артисты очень вѣрно угадали основной замыселъ Г. Вида и „2X2=5“ и играли въ слегка шаржированныхъ тонахъ. Получалась яркая, смѣлыми штрихами нарисованная карикатура. Особенно хороши были г. Разсудовъ-Кулябко и г-жа Суворина, тестъ и теща либеральнаго писателя, и г. Мамонтовъ, развѣченный женоподобный ихъ сынокъ. Для роли самого писателя г. Баратовъ нѣсколько тяжеловѣтъ, хотя внесъ въ исполненіе много юмора. Изящна, пожалуй даже слишккомъ изящна, г-жа Васильчикова въ роли „дѣвицы“ Люстикъ.

Въ пьесѣ „Дуракъ“ превосходенъ г. Зиновьевъ, Юстусъ Гамерлингъ. Написанная подлѣ князя Мышкина роль эта даетъ очень богатый матеріалъ артисту, и г. Зиновьевъ широко воспользовался этимъ матеріаломъ. Вся роль проведена имъ въ мягкихъ теплыхъ тонахъ. Его „милые родственники“ нашли удачныхъ исполнителей въ лицѣ гг. Терченко, Мамононова и Парамонова, г-жъ Борегаръ, Сувориной, а г-жа Васильчикова была прямо очаровательной американкой Вигандъ.

Вотъ два спектакля, которые прошли вполне хорошо. Въ другихъ были отдѣльные исполнители, были удачныя сцены, но общаго ансамбля, цѣльности впечатлѣнія не было.

Теперь поговоримъ о лучшихъ силахъ труппы. Такихъ, увы, не очень-то много, въ особенности среди женскаго персонала. Во-первыхъ, г-жа Васильчикова *grande-coquette*, артистка изящная, разнообразная.

Затѣмъ г-жа Кошева, старинная наша знакомая, начинавшая здѣсь свою карьеру въ 88 году, затѣмъ прїѣзжавшая съ труппой Корша. Она осталась прежней артисткой, обаятельно, милой, вносящей бодрость, жизнерадостную струю на сцену, много здороваго юмора и юморизма.

Потомъ г-жа Борегаръ. Искренній теплый тонъ. Простота и естественность.

Г-жа Суворина (комическая старуха), которой впрочемъ удаются далеко не всѣ роли.

Г-жа Панова приглашена на сильно драматическія роли. Это большая ошибка. Она была бы вполне на мѣстѣ въ старинныхъ мелодрамахъ. Совсѣмъ не въ средствахъ г-жи Пановой роли маркизы де-Сансовели въ „Ренессансъ“, Грасъ „Самсонъ“, Марья Ивановны, и наконецъ—во „Власти плоти“. Однообразный пѣвучій тонъ, лишенное мимики лицо и вдобавокъ полное неумѣнье одѣваться.

Г-жа Невѣрова принадлежитъ къ числу артистокъ, которыя ни словечка въ простотѣ не скажутъ—все съ ужимкой. Типичная водеvilная актриса былыхъ временъ. Играетъ наивныхъ дѣвочекъ, въ коротенькихъ платьицахъ. Пора бы перестать. *Grande-dame* и драматическая старуха г-жа Волгина-Покровская толково и прилично читаетъ свои роли, но и... только. Справедливость требуетъ отмѣтить маленькую актрису г-жу Вольскую, она пока играетъ только горничныхъ, но играетъ ихъ просто и естественно.

Г. Баратовъ прїѣхалъ въ Тифлисъ лѣтъ пять назадъ съ г-жей Яворской. Съ тѣхъ поръ талантъ его значительно окрѣпъ. Великолѣпнѣе въ роляхъ очаровательныхъ мерзавцевъ г. Разсудовъ-Кулябко—характерный актеръ. Всегда типиченъ и разнообразенъ г. Зиновьевъ. Вдумчивый, даровитый актеръ. Лучшая изъ сыгранныхъ до сихъ поръ ролей, какъ я говорилъ, Юстусъ „Дуракъ“. Г. Аяровъ хорошо извѣстенъ публикѣ по прошлому сезону.

Г. Мамонтовъ, любовникъ-фатъ, производитъ двойственное впечатлѣніе. Иногда очень хорошъ (напр. въ „2X2=5“), иногда блѣденъ.

Объ остальныхъ помолчу.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ. Зимній сезонъ въ Верхъ-Исетскомъ театрѣ (народномъ домѣ) открылся 26 сентября „Весеннимъ потокомъ“ Косоротова. Задолго еще до поднятія занавѣса надъ кассой появился аншлакъ о томъ, что всѣ мѣста проданы.

27 въ субботу былъ поставленъ „Счастливецъ“. Субботній спектакль былъ данъ въ видѣ опыта, и опытъ этотъ показалъ, что нововведеніе Екатеринбургъ не приметъ.

Судить о труппѣ по первымъ двумъ спектаклямъ довольно трудно. Въ составѣ труппы г-жи Зарайской, противъ приведеннаго на столбцахъ „Т. и И.“, никакихъ почти переменъ не произошло: не прїѣхала г-жа Памо и въ труппѣ служить не г. Чужбининъ, а г. Чужбиновъ. Судя по первымъ двумъ спектаклямъ, можно ожидать, что спектакли будутъ обставляться хорошо.

Настоящую корреспонденцію я вынужденъ посвятить положенію театральнаго дѣла въ Екатеринбургѣ, неожиданно осложнившемуся. Въ Екатеринбургѣ имѣются, т. н. „Верхъ-Исетскій“ театр (народный домъ), городской театр и залъ Обухова (прежде Маклецкаго), приспособленный для театральнахъ представлений. Первый и послѣдній сняты на нынѣшній сезонъ А. А. Левицкимъ: для драматическихъ и оперныхъ спектаклей въ В.-Исетскій и во избѣжаніе конкуренціи—залъ Обухова. Г. Левицкій полагалъ, что послѣ опыта аренды городского театра г. Ордынскимъ, опыта, окончившагося, какъ вѣроятно помнятъ читатели „Т. и И.“, крахомъ и заключеніемъ въ тюрьму г. О., охотниковъ на городской театр не найдетъ. Также думала и г-жа Зарайская, арендовавшая театр у г. Левицкаго. Расчеты не оправдались, и театр сняли на зиму подлѣ оперетку гг. Чаплицкій и Поповъ-Французовъ. Городъ сдѣлалъ театр, не дававшій ему послѣдніе годы никакихъ почти доходовъ, на очень выгодныхъ для антрепризы условіяхъ, всего изъ 50% дохода. Такимъ образомъ, для драматической труппы г-жи Зарайской явится конкуренція въ видѣ опереточныхъ спектаклей въ городскомъ театрѣ, находящемся въ центрѣ города, тогда какъ В.-Исетскій театр находится на окраинѣ. Какой изъ двухъ театровъ сдѣлаетъ худшія (хорошихъ дѣлъ ни одинъ, вѣроятно, не сдѣлаетъ) дѣла, трудно сказать сейчасъ.

Нѣсколько словъ по адресу мѣстнаго комитета попечительства о народной трезвости, которому принадлежитъ В.-Исетскій театр. Намъ, кажется, что народные дома, каковымъ является и В.-Исетскій театр, существуютъ вовсе не для извлеченія возможно большихъ матеріальныхъ выгодъ, между тѣмъ антрепризѣ именно на этой почвѣ ставятся препятствія въ намѣреніи ея давать утренніе дешевые для народа спектакли. На эти утренніе дешевые спектакли предположено было отвести много мѣстъ по 5 к. Комитетъ попечительства полагаетъ, что антреприза можетъ давать такіе спектакли при условіи отчисленія изъ 5 к. марочнаго сбора 2 к., за вѣшалку въ пользу комитета 2 к. и изъ оставшейся копѣйки еще 50% въ пользу того же комитета. Далѣе комитетъ разрѣшилъ антрепризѣ выдать редакціямъ мѣстныхъ газетъ по одному билету. За каждый лишній билетъ, равно какъ и за билеты нѣкоторыхъ чиновъ полиціи, антреприза обязана внести въ кассу комитета по 50% сборъ, въ суммѣ 5 р. 80 к. за каждый билетъ за время пребыванія здѣсь драмы. Въ тоже время комитетъ нисколько не заботится объ элементарныхъ удобствахъ артистовъ и, особенно, артистокъ. Такъ, напримѣръ, въ уборныхъ артистокъ не высохшая штукатурка дѣлаетъ невозможнымъ что-либо повѣсить на стѣну—повѣшенное быстро пропитывается влагой. Воздухъ въ уборныхъ, вслѣдствіе той же не высохшей штукатурки, очень тяжелый. Если штукатурная работы нельзя было сдѣлать своевременно, то недорого стоило бы поставить въ уборныя желѣзныя печки и поскорѣе высушить штукатурку.

Мы остановились на этихъ мелочахъ, чтобы дать лишнюю иллюстрацію состоянія народныхъ домовъ, находящихся въ веденіи бюрократіи. Только съ передачей дѣла этого въ руки общественныхъ учрежденій можно ожидать, что они будутъ выполнять свое назначеніе.

МОГИЛЕВЪ-ГУБ. Антреприза Е. А. Бѣляева. Драма. Сезонъ открылся 27-го сентября „Волной“ Рышкова; затѣмъ прошли: „Карьера Наблочнока“, „Наслѣдный принцъ“, „Казенная квартира“, „Жертва воспитанія“, „Пасынки жизни“, „Самсонъ“, „Власть плоти“, „Освобожденіе челоуѣка“. Труппа гораздо сильнѣе прошлогодней—въ особенности мужской персоналъ. Заслуженнымъ успѣхомъ пользуются г-жи Саранчева и Леонова. Г-жа Саранчева хороша была въ роляхъ Нелли („Карьера Наблочнока“) и Камской („Власть плоти“)—актриса болѣе комедійная чѣмъ драматическая. Мужской персоналъ имѣетъ наиболѣе видныхъ представителей въ лицѣ гг. Бѣляева, Барановскаго, Мицурина, Полеванова, Моревъ и Голованова. Г. Барановскій имѣлъ вполне заслуженный успѣхъ въ роляхъ: Карлъ-Генрихъ („Наслѣдный принцъ“), Гансъ („Жертва воспитанія“) и Кундъ Ярмеръ („Освобожденіе челоуѣка“). Артистъ обладаетъ красивымъ голосомъ и темпераментомъ. Г. Мицуринъ понравился въ „Самсонѣ“ (Жакъ-Брашаръ) и „Карьерѣ Наблочнока“ (Наблочкинъ). Мѣшаетъ лишь нѣкоторая угловатость движеній. Г. Бѣляевъ далъ вполне законченный типъ Платона въ „Волнѣ“. Очень полезные артисты гг. Поливановъ, Моревъ, Головановъ и Лазаревъ.

Пьесы ставятся очень хорошо режиссеромъ Я. А. Славскимъ, который еще въ прошломъ сезонѣ вполне зарекомендовалъ себя съ этой стороны. Труппа нравится. Сборы хороши.

Момилевецъ.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. 24 сентября малорусская труппа Льва Сабинина закончила сезонъ въ лѣтнемъ театрѣ городского сада пьесой „Пошились у дурни“ съ участіемъ батька малороссійской сцены М. Л. Кропивницкаго. Труппа имѣла вполне заслуженный успѣхъ и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ охотно посѣщала публикой, давъ г. Сабинину чистыхъ болѣе 3000 р. Добросовѣстное отношеніе артистовъ и тщательная постановка оцѣнена публикою по достоинству.

Успѣхъ настоящаго сезона придалъ смѣлость г. Сабинину, и онъ снялъ лѣтній театръ и на будущій лѣтній сезонъ.

Въ театрѣ коммерческаго собранія труппою драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ И. П. Соловьева 20 сентября открылся зимній сезонъ. Для открытія была поставлена пьеса Потѣхина „Злоба дня“. Труппа, изъ 19 человекъ, въ большинствѣ состоитъ изъ новыхъ для Екатеринослава лицъ. Въ числѣ приглашенныхъ г. Соловьевымъ, съ согласія администрации собранія, игравшихъ въ прошломъ сезонѣ артистовъ г-жи Бѣльская (старуха), Акулова (инженеръ драм.), Лилина (втор. роли); гг. Комарскій (простакъ) и Спаньоли (втор. роли). Сцена расширена, сдѣлано много новыхъ декораций и подновлены старыя. Обстановка приличная.

Вторымъ спектаклемъ шла „2 × 2 = 5“, третьимъ шли „Соколы и Вороны“. Сборы полные. Спектакли ставятся два раза въ недѣлю по вторникамъ и субботамъ. Въ воскресные и праздничные дни предлагаются утренники для дѣтей членовъ собранія бесплатно.

Въ новомъ зимнемъ театрѣ русская драматическая труппа подъ управленіемъ артистки А. Т. Поляковой открыла зимній сезонъ 1 октября пьесой „Ивановъ“. Пьеса прошла гладко. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: г-жа Полякова (жена Иванова), гг. Дзяконовъ (Изановъ) и Даниловъ (Лебедевъ), остальные артисты поддерживали съ честію ансамбль. Сборъ былъ полный.

Труппа г-жи Поляковой состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ (по алфавиту): г-жи Барнесъ 1-я, Васильева, Зарѣцкая, Майская, Медвѣдева, Онищенко, Полякова, Попова, Роландова, Свѣтловская, Смирнова, Степанова, Тоузакъ, Туранова, Хазарова; гг. Азровъ, Вобковъ, Востоковъ, Горинъ, Горскій, Даниловъ, Дьяковъ (бывшій артистъ Императорскихъ московскихъ театровъ), Зоринъ, Мариашъ, Мещерскій, Половцевъ, Радинъ, Романовскій, Саблуковъ, Самаринъ, Сафоновъ, Тобольскій, Яновицкій. Главный режиссеръ П. К. Дзяконовъ, главный администраторъ—А. В. Половцевъ, управляющій—Фельдманъ, суфлеръ Романовскій, помощникъ режиссера Востоковъ. Въ репертуаръ, между прочимъ, включены слѣдующія новинки: „Марья Ивановна“, „Воръ“, „Электра“, „Шквалъ“, „Волна“ (Безпечальные), „Пріютъ Магдалины“, „2 × 2 = 5“, „Казенная квартира“, „Гетера Лаиса“, „Любовь на стражѣ“, „Тайга“, „Дуракъ“, „Обнаженная“, „Спаситель“ и др.

Театръ отремонтированъ, сдѣланы улучшенія, какъ въ зрительномъ залѣ, такъ и на сценѣ; сдѣланъ раздвижной занавѣсъ, изготовлено много новыхъ декораций и т. п.

Старый театралъ.

ПСКОВЪ. Лѣтній сезонъ товарищества драматической труппы подъ управленіемъ Діевского и Листова закрылся 15 сентября.

Матеріальныя дѣла товарищества въ началѣ очень неважныя, съ іюля стали поправляться. Въ августѣ пайщики получали даже свѣше двухъ рублей на марку. Пайщики, пробывшіе въ дѣлѣ весь сезонъ, выработали на кругъ свои марки полнымъ рублемъ.

На будущій сезонъ, претендентами на нашъ лѣтній театръ, кромѣ г. Діевского, оказалось еще 9 антрепренеровъ. Валового сбора за минувшій сезонъ взято 21,000 рублей.

Между г. Діевскимъ и драматическимъ обществомъ возникъ конфликтъ на почвѣ арендной платы въ суммѣ 670 р. Общество удержало залогъ пайщиковъ. Возникаетъ судебный процессъ.

Кутузовскій садъ пустовалъ почти все лѣто. Причина—скверный театръ-сарай, скверная репутація сада и скверная погода. Заглянула было туда плохонькая опера (Медвѣдева) и оперетта (Добротина), но за отсутствіемъ сборовъ вскорѣ вынуждены были ретироваться.

15 сентября открылся зимній сезонъ въ домѣ имени Пушкина. Дирекція А. Г. Качергинскаго. Постоянной труппы по примѣру прошлаго года не будетъ—нашъ городъ не можетъ выдержать труппу зимою—а будутъ гастроли всѣхъ видовъ искусства. Открылся сезонъ италіанской капеллой Коломбо. Затѣмъ пріѣхала оперетка О. Суслова, поставившая „Веселую вдову“, „Ночь любви“, „Гейшу“, „Наталку Полтавку“, „Тайны нашего города“. Оперетку смѣнила опера подъ управленіемъ С. Маркова.

Въ недалекомъ будущемъ предполагаются гастроли бр. Адельгеймовъ, драмат. артистовъ Императорскихъ театровъ, концертъ Вяльцевой и др.

Театралъ.

ЖИТОМІРЪ. Съ 2 по 23 сентября въ городскомъ театрѣ играла малорусская труппа подъ управл. г. Гайдамаки (непосредственно послѣ пожара бердичевского театра, гдѣ сгорѣло все имущество какъ Гайдамаки, такъ и артистовъ). Житомирцы отнеслись къ труппѣ довольно сочувственно, о чемъ

краснорѣчиво говорятъ сборы. За 21 спектакль выручено болѣе 5 тыс. рублей, въ среднемъ по 240 р. на кругъ. Репертуаръ обычный. Необычнымъ явилась постановка оперы „Галька“. Правда, опера была „перелыцевана“ г. Гайдамакой; но музыка осталась та-же, а у исполнителей не оказалось ни школы, ни умѣнья. Единственнымъ утѣшеніемъ были хоры. Но во всякомъ случаѣ не слѣдовало истязать Моношко лишь за то, что г. Гайдамакъ удалось перелицевать его Гальку.

Изъ артистовъ выдѣлялись въ труппѣ г-жа Шостаковская и самъ г. Гайдамака, а равно дирижеръ г. Васильевъ. Въ труппѣ большой и звучный хоръ, выдающіеся танцоры.

Съ 26 сентября—играетъ драматическая труппа г. Басманова. Сезонъ открыли „Ревизоромъ“. Составъ труппы солидный. Въ нее входятъ г-жи Степная, Мравина, Шаланина, Антонелли, Павлоградская; гг. Боринъ, Берже, Ермоловъ, Аркановъ, Добожинскій, Лаврецкій, Нѣмовскій и др. Режиссеры—гг. Басмановъ и Полевой. Постановка пьесъ образцовая. Г. Басмановымъ привезены декорации, мебель, роскошные костюмы, бутафорія и пр. Особенно тщательно и роскошно была поставлена „Измѣна“.

Д.

МИНСКЪ. Театральный сезонъ открылся 16 сентября оперой Л. Оедорова. Не такъ давно опера была у насъ очень рѣдкой гостей, но со времени перехода нашего городского театра въ руки энергичнаго антрепренера Е. А. Бѣльева, опера неизменно посѣщаетъ насъ аккуратно каждый сезонъ. Вообще, при Е. А. Бѣлевѣ театральный сезонъ проходитъ у насъ очень оживленно—чередуются безъ перерыва опера, драма, малороссы и пр. Оперой здѣсь прямо увлекаются, это злоба дня. И наѣзжающія къ намъ оперныя труппы не могутъ пожаловаться на плохія дѣла.

Такъ и на этотъ разъ. Опера Л. Оедорова, давшая у насъ 15 спектаклей, взяла свѣше 10 тысячъ. Это надо признать хорошимъ результатомъ, принимая во вниманіе, что опера только прилична, не болѣе—составъ не великъ, оркестръ слабый (дирижировалъ г. Шаевичъ), а хоръ еще слабѣе. Помимо этого, не было поставлено ни одной новинки для Минска—преподнесенная намъ пресловутая „Ночь любви“ Валентинова идти въ счетъ, конечно, не можетъ. Стоить отмѣтить, что въ то время, когда русскія оперы проходили при полныхъ сборахъ, такія оперы, какъ „Травиата“, „Риголетто“ сборовъ не давали. Наиболѣе выдающейся силой оперы была г-жа Карпова (драм. сопрано)—хорошая артистка и прекрасная пѣвица, затѣмъ выдѣлялись г-жи Тиманина (колор. сопрано), Августиновичъ (меццо-сопрано), гг. Горянскій (теноръ) и Мириновъ (баритонъ). Послѣдній, уже знакомый Минску по одному изъ прошлыхъ сезоновъ, слѣлался здѣсь всеобщимъ „любимцемъ“, и каждый его выходъ сопровождался бурными овациями.

Оперу Л. Оедорова смѣнила 1 октября украинская труппа О. Саксаганскаго. Въ былое время малороссы здѣсь дѣлали хорошую дѣла, но теперь не то. Причина отчасти въ томъ, что еще не остылъ пылъ нашихъ меломановъ послѣ оперы. Надо полагать, что образцовая труппа О. Саксаганскаго, кстати, посѣщая насъ впервые, побѣдитъ равнодушные публики и она начнетъ охотнѣе посѣщать театръ.

Л. Н—хъ.

ТАМБОВЪ. Зимній сезонъ начался сравнительно поздно. Открытіе спектаклей антрепризы Е. А. Ризъ состоялось 25-го октября. Поставлено было „Рабство“. За это время шли: „Власть тьмы“, „Дѣти Ванюшина“, „Дѣльцы“, „Король“, „Клубъ самоубійцъ“, „На днѣ“ и друг.

Попытка антрепризы поставить „Сестру Беатризу“ и „Чудо странника Антонія“ неудачна.

Изъ состава труппы нельзя не выдѣлить г-жъ Бартлевичъ, Попову-Барвинокъ, гг. Мухина, Арматова, Браиловскаго.

До сихъ поръ репертуаръ выдержанъ и интересенъ.

М. Пер—нъ.

ЦАРИЦЫНЪ на-В. Въ театрѣ сада „Конкордія“ лѣтній сезонъ закончился бенефисомъ антрепренера С. П. Ефимова 31 авг. Балансъ сведенъ безъ прибыли и убытка: валовой доходъ—24,500 р. На лѣтній сезонъ 1909 года театръ снова снятъ г. Ефимовымъ.

Дирекція увѣрена, что прибыли не получилось потому, что труппа была „дорога“. Царицынъ, имѣя 85 тыс. жителей (а въ лѣтнее время съ открытіемъ навигаціи—болѣе 100 тыс.), въ состояніи „питать“ труппу вдвое дороже, нежели была у Ефимова. П. П. Медвѣдевъ, содержа не менѣе дорогую труппу въ теченіи двухъ лѣтнихъ сезоновъ взялъ приличные барыши. Значитъ здѣсь дѣло не „въ дороговизнѣ“, а очевидно въ самой постановкѣ дѣла.

Нѣкоторыми изъ артистовъ заключенъ съ Ефимовымъ контрактъ на слѣд. сезонъ.

Зимній сезонъ открылся 25 сентября въ театрѣ „Буффъ“—антреприза К. И. Ванченко—опереткой „Корневильскіе колокола“; въ театрѣ „Конкордія“—оперное т-во В. М. Сампсона (Миллера)—5 октября оперой „Аида“.

А. Гр—въ.